

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XVI

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2004

- ME — *Mühlenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca / Red., papild., turp. J. Endzelīns. Rīga, 1923—1932, sēj. 1—4.
- Naktinienē ir kt. 1988 — *Naktinienē G., Paulauskienē A., Vitkauskas V.* Druskininkų tarmės žodynas. Vilnius, 1988.
- Nesselmann 1868 — *Nesselmann G. H. F.* Ein deutsch-preußisches Vocabularium aus dem Anfange des fünfzehnten Jahrhunderts. Königsberg, 1868.
- PLKŽ — Pirmasis lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1979.
- Reķēna — *Reķēna A.* Kalupes izloksnes vārdnīca. Rīga, 1998, sēj. 1—2.
- Scherer 1953 — *Scherer A.* Gestirnnamen bei den indogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953.
- SSNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. Wrocław, 1965—1987, t. 1—7.
- Trautmann 1910 — *Trautmann R.* Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen etc., 1910.
- Trautmann 1925 — *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen etc., 1925.
- Vaiškūnas 1999 — *Vaiškūnas J.* Etnoastromia litewska // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. Lublin, 1999, № 11.
- Zemzare 1961 — *Zemzare D.* Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīga, 1961.
- Ziesemer 1920 — *Ziesemer W.* Zum deutschen Text des Elbinger Vocabulars // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1920, № 44.
- Ziesemer 1921 — *Ziesemer W.* Einleitung // Das große Ämterbuch des Deutschen Ordens. Wiesbaden, 1921/1968.

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

ДРЕВНЯЯ ГИДРОНИМИЯ В БАССЕЙНЕ ОКИ

Учет балтийских элементов в гидронимии восточноевропейского ареала не закончен и соответствующие факты продолжают прибывать, обнаруживаясь и там, где еще совсем недавно едва ли кому пришло в голову их искать.

В. Н. Топоров

Длина Оки — 1500 километров, вместе с многочисленными притоками бассейн Оки составляет 245 тыс. кв. км. На этой огромной территории и в Волго-Окском междуречье сохранилось большое количество древних гидронимов дославянского происхождения. Долгое время пытались их объяснить на основе финно-угорских языков. Однако эти попытки базировались на крайне малоубедительной методике исследования. Обычно у гидронима вычленялись корни (или «корни»), внешне сопоставимые с корнями разных финно-угорских языков, а также «речные суффиксы», возводимые к каким-либо значимым словам (например, *ва* 'вода' в языке коми). При этимологизации гидронимов в финно-угорских языках отыскивались близко звучащие слова (так, гидроним **Москва** сопоставлялся с фин. *musta* 'черный'). В. К. Третьяков называл подобные сопоставления сближениями «по сходству звона», причем он и сам часто пользовался этим приемом. Немецкие этимологи в подобных случаях употребляли термин «Kling-Klang-Ähnlichkeiten». Показательным является отсутствие сколь-нибудь заметного слоя целнолексемных соответствий между гидронимами бассейна Оки и многочисленными водными названиями на широком пространстве финно-угорских территорий.

Почти 50 лет тому назад Б. А. Серебрянников писал, что топонимика Волго-Окского междуречья при помощи финно-угорских языков *необъяснима*. «Отдельные истолкования, — писал он, — целиком базирующиеся на случайных созвучиях, являются каплей в море среди массы совершенно необъяснимых названий...» (Серебрянников 1955, 28). В другой своей работе Б. А. Серебрянников высказал предположение, что население, оставившее эти названия, по своему языку было близко к балтийскому и территориально примыкало к балтам Верхнего Поднепровья (Серебрянников 1957, 69 сл.). К сожалению, никаких примеров, доказывающих балтийское происхождение географических названий бассейна Оки, Б. А. Серебрянников не привел.

Еще задолго до Б. А. Серебрянникова К. Буга и М. Фасмер выделяли балтийские топонимические следы, главным образом в Верхнем

Поднепровье и в западной части Поочья. Но, как отметил В. Н. Топоров, среди примеров К. Буги немало сомнительных или даже ошибочных, а у М. Фасмера примеров очень мало (Топоров 1959, 55, 58) ¹.

Серьезным стимулом, побудившим к дальнейшим поискам следов балтийской гидронимии в бассейне Оки, явилась публикация известной книги В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о гидронимии Верхнего Поднепровья (Топоров, Трубачев 1962). Особенно много в расширении ареала гидронимов балтийского происхождения в восточном направлении сделал В. Н. Топоров. Один перечень многочисленных его публикаций на эту тему занял бы немало места. Хотелось бы, однако, чтобы В. Н. Топоров опубликовал работу, *обобщающую* результаты его почти 50-летних исследований этой проблемы. В частности, уже в одной из своих ранних работ В. Н. Топоров поставил вопрос о восточной границе балтийской гидронимии (Топоров 1959, 57). Обычно он полагал, что эта граница проходит примерно по меридиану Москвы-реки (Топоров 1972, 266). Примерно такую же точку зрения можно найти, например, в работах В. В. Седова и Й. Кабялки (Седов 1971, 131, карта; Kabelka 1982, 18, карта). В свое время В. Н. Топоров высказался против поисков балтизмов вплоть до западных районов бывшей Нижегородской губернии (В. В. Седов, Ф. И. Гордеев, Л. Л. Трубе), отметив, в частности, что многие примеры Ф. И. Гордеева — ошибочны или малоубедительны (Топоров 1972, 218–219). Но в одной из более поздних статей В. Н. Топорова была высказана мысль о возможном наличии балтийских гидронимов на территориях, еще не исследованных (Топоров 1995, 14; см. эпиграф настоящей статьи; см. также Топоров 1983, 48 и 50, где говорится о возможности наличия балтизмов несколько восточнее устья Москвы).

В. В. Седов, будучи известным археологом, также много работал в области изучения балтийской гидронимии Поочья и Волго-Окского междуречья. Он составил довольно обширный список гидронимов балтийского происхождения, в который включил также материалы своих предшественников. Нужно отметить, что собранные за многие десятилетия примеры неравноценны в плане своей надежности и аргументированности. Иногда просто приводятся гидронимы и утверждается, что они — балтийского происхождения. В других случаях указывается на балтийский характер суффиксации (*-eik/-oik-*, *-eja-*

¹ Впрочем, В. Н. Топоров самокритично признает, что в списки его материалов также включены случаи «весьма сомнительные» (Топоров 1972, 231; ср. также: Топоров 1983, 49). Вообще, анализ гидронимов бассейна Оки связан с большими трудностями. «Проблема выделения балтизмов в Поочье, — пишет В. Н. Топоров, — сопряжена с более значительными сложностями, чем в Поднепровье» (Топоров 1983, 49).

-oja-, *-išk-* и др.), приводятся близкие или идентичные по звучанию балтийские имена собственные или апеллятивы. Не всегда освещаются вопросы, связанные с фонетической субституцией в процессе заимствования, мало внимания уделяется словообразовательному анализу. Отметив, что выявлены далеко не все балтийские гидронимы Волго-Окского междуречья, В. В. Седов пишет: «На очереди не выборочное, а сплошное исследование гидронимики междуречья, без которого невозможно разрешение основных вопросов этнической истории и географии края» (Седов 1971, 102). Возможность такого сплошного исследования гидронимических балтизмов Поочья появилась с выходом в свет прекрасной книги Г. П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» (Смолицкая 1976). В книге собрано порядка 20 тыс. названий рек, ручьев, озер, болот, оврагов и других гидронимических объектов. Наличие в конце книги полного алфавитного указателя гидронимов позволяет быстро найти и установить их локализацию. Поэтому в настоящей статье точная локализация гидронимов в целом ряде случаев не приводится. Ссылки на этимологию гидронимов Литвы даются в основном по словарю А. Ванагаса (Vanagas 1981), а на гидронимы Латвии — главным образом по работам Я. Эндзелина. Нередко автор статьи предлагает новые этимологии, подчас расходящиеся с принятыми в работах других исследователей.

Начнем с цельнолексемных сопоставлений. Их в работах предшественников сравнительно немного: р. *Vilija* — **Велья** (Седов 1971, 103), р. *Vārē* — **Воря** (Топоров 1972, 256), р. *Daubā* — **Дуба** (Топоров 1972, 236), оз. *Žiēzdras* — р. **Жиздра** (Погодин 1901, 93; Топоров 1989, 47 и др.), р. *Lomā* — **Лама** (Топоров 1972, 233). Наличие подобных цельнолексемных совпадений дает заметное преимущество сторонникам балтийского происхождения гидронимии Поочья перед попытками связать ее с гидронимией финно-угорской. А этимологизация, базирующаяся только на апеллятивной лексике, — малодоказательна, ибо во многих языках всегда можно найти близко или даже идентично звучащие слова, поскольку их привлечение не имеет практически никаких семантических ограничений. Например, гидронимы бассейна Оки **Альба** и **Атра** полностью совпадают с латинскими прилагательными *alba* 'белая' и *atra* 'черная'. Ср. также **Вентус** и лат. *ventus* 'ветер', **Урсус** и лат. *ursus* 'медведь' и т. п. Должны ли мы на основании десятка таких совпадений искать в бассейне Оки следы латинской гидронимии? Конечно же, нет. Любому носителю русского языка могут показаться очень знакомыми такие, например, гидронимы, как **Кубинской**, **Пекинской**, **Поварня**, **Вдова**, **Перинка**, **Вилка**, **Танковой** и др. Однако ничего общего с русскими словами эти гидронимы не имеют. От лит. *pėkė* 'жаба' образуется прилагательное

pekinis, давшее (в результате стандартной славянизации) название оврага Пекинской 'жабий' (ср. три гидронима **Жабей** в том же бассейне Оки). Ни о каких «танках» не могло быть речи в документах XVI–XVII вв., в которых был засвидетельствован о. **Танковой**. Лит. *tankùs* означает 'густой (лес, кустарник)'; по модели *artùs* 'близкий' → р. *Artavà*, *daugùs* 'обильный' → р. *Daugavà* — лит. *tankùs* → **Tankavà* → (славянизация) **Танковой** — овраг, 'густо заросший (лесом или кустарником)'.

Ниже в алфавитном порядке приводится (увы! — выборочный) список цельнолексемных сопоставлений гидронимов Литвы и Поочья, имеющих по большей части достаточно надежную балтийскую этимологию².

1) р. *Argà* (к *argóti* 'бить, разрывать') — **Арга**, рр. в басс. Клязьмы, Мокши и Цны; 2) р. *Vādas*, *Vadà* — **Вад**, вариант **Вада**, приток Мокши; 3) р. *Vilka* (к *vilkas* 'волк') — **Вилка**, р. в басс. Мокши; 4) р. *Vārē* (об этимологии см.: Vanagas 1981, 362–363) — **Воря**, рр. в басс. Угры и Клязьмы, ср. **Варишка**, р. в верхов. Мокши; литовский суффикс *-išk-* засвидетельствован также в русских передачах топонимов Литвы: **Варишки** и **Воришки** (Спрогис 1888); 5) р. *Vēžius* (к *vēžys* 'рак') — **Вяз**, р. в верхов. Мокши; 6) р. *Kėršis* (к *keršà* 'сырое место') — **Керша**, несколько рек в басс. Цны; 7) р. *Kirka* (*kirka* 'чайка' — к *kiřkti* 'кричать') — **Кирка**, р. в басс. Прони; 8) р. *Kamšà* (к *kamšà* 'сырое место') — **Комша**, р. в басс. Клязьмы; р. *Versmė* (к *versmė* 'источник') — **Вярсма**, р. в верхов. Мокши; 10) р. *Lašmiuõ* (к *lašmiuõ* 'место на озере, где в(ы)текает ре(ч)ка') — **Лашма**, р. в басс. Мокши; 11) р. *Lindė* (к др.-прус. *lindan* 'долина, ложбина') — **Линда**, р. в низов. Оки; 12) р. *Marūgà* (о суффиксе *-ūga* см.: Vanagas 1970, 192) — **Маруга**, р. в басс. Оки ниже Угры; 13) р. *Meřkė* (к *meřkti* 'мочить, лить') — **Мерка**, р. в низов. Москвы; 14) р. и оз. *Mořidà* (с неясной этимологией, см.: Vanagas 1981, 220) — **Моша**, рр. в басс. Рановы, Упы и Угры, **Моша**, р. в басс. Москвы; 15) *Nalšia* (название одной из литовских земель) — **Нальша**, рр. в низов. Клязьмы и в басс. Оки выше Угры; 16) р. *Neris* (к *neris* 'бобр') — **Нерль**, приток Клязьмы (с эпентетическим *-л-*); 17) р. *Niauka* (к *niaukti* 'лить') — **Нявка**, р. в верхов. Мокши; 18) р. *Plėškė* (к *plėškėti* = *pliškėti* 'клокотать, бурлить') — **Плишка**, р. в басс. Оки выше Скуны; 19) р. *Puřlė* (к *puřlė* 'калужница', бот.) — **Пурля**, р. в басс. Цны; 20) р. *Rādiškė* (с распространенным литовским суффиксом *-išk-*) — **Радишка**, р. в басс. Угры, ср. в Литве: нива **Радишка** (Спрогис 1888); оз. *Rāmė* (к *ramùs* 'спокойный') — **Рама**, два оз. в басс. Оки выше Москвы (ср. Топоров

² В более сложных случаях даются ссылки на словарь А. Ванагаса (Vanagas 1981). Здесь и ниже примеры, не отмеченные как латышские (лтш.), принадлежат литовскому языку.

1972, 254); 22) руч. *Rūdas* и р. *Rudà* (к *rūdas* 'коричневый') — **Руд** = **Руда**, р. в басс. Протвы; 23) р. *Sukrà* (к *sukti* 'крутить, вертеть') — **Сукра**, р. в басс. Оки ниже Москвы; 24) р. *Tulė* (об этимологии см.: Vanagas 1981, 349) — **Тула**, р. в басс. Упы; 25) р. *Tāuše* (видимо, к *taūšti* 'гнать' — Vanagas 1981, 342) — **Туша**, р. в басс. Зуши³; 26) р. *Tilkà* (к *tilkti* 'утихать, успокаиваться') — **Тылка**, р. в басс. Рановы; 27) р. *Ušnà* (к *dušti* 'становиться прохладным' — Vanagas 1981, 354) — **Ушна**, р. в басс. Оки ниже Унжи; 28) р. *Šimšà* (к *šimšà* 'сырой луг, болото') — **Шимш**, оз. в басс. Оки выше Пры; 29) р. *Šakà* (к *šakà* 'ответвление реки или озера') — **Шока**, оз. в низов. Мокши, ср. **Шока** = **Шака**, р. в Литве (Спрогис 1888); 30) р. *Šunija* (к *šiuõ*, родит. падеж *šiuõs* и *šuniės* 'собака', по типу образования ср. *vilkas* → *Vilkijà*) — **Шунья**, р. в низов. Клязьмы.

Здесь приведено менее половины примеров из собранной мною картотеки (с учетом нескольких примеров, отмеченных в прежних работах). Важно подчеркнуть, что более трети приведенных здесь гидронимов относится к бассейну Мокши, в том числе — к ее верховьям, находящимся примерно на меридиане Нижнего Новгорода и даже *восточнее* (sic!) этого меридиана.

Значительная часть речных названий Латвии и особенно Литвы состоит из двух компонентов (тип *Vaņd-upė* и *Vāl-upis* — к лит. *upė* и *upis*, лтш. *upe*, *upis* 'река', ср. *Москва-река* или *Териоки* — из фин. *töyry* 'холм' и *joki* 'река'). Очень большое количество гидронимов Поочья представляет собой заимствование только первого компонента сложного балтийского гидронима. Приведем лишь несколько — опять-таки выборочных — примеров.

1) *Vaņd-upė* (*vanduõ* 'вода') — **Ванда**, р. без локализации (Смолицкая 1976, 275); 2) *Varg-upys* (об этимологии см.: Vanagas 1981, 363) — **Варга**, р. в басс. Мокши; 3) *Vitk-upis* — **Витка**, р. в басс. Упы; 4) *Vėč-upis* (*vėčas* 'старый') — **Вача**, вариант **Вячка**, р. в басс. Цны; ср. также лтш. *vėcs* 'старый', *Vėc-upė* — **Ваца**, р. в басс. Жиздры (иначе: Топоров 1989, 69); 5) *Vėž-upis* (*vėžys* 'рак') — **Вежа**, р. в басс. Москвы выше Рузы, ср. (с суффиксом *-el-*) *Vėžėl-upis* — **Вяжель**, р. в басс. Цны; 6) *Važ-upys* и *Vož-upis* (к *vėžti* 'везти') — **Вожа**, р. в басс. Оки ниже Осетра; 7) *Žāl-upė* (*žālias* 'зеленый' или *žālas* 'красноватый') — **Жала**, р. в басс. Оки выше Протвы; 8) *Zuik-upis* (*zuikis* 'заяц') — **Зуйка**, л. о. в басс. Оки выше Мокши; 9) *Įs-upis* (*įsà* 'короткая') — **Иса**, р. в верхов. Мокши; 10) *Kair-upis* (*kairà* 'левая') — **Койра**, р. без локализации (Смолицкая 1976, 279), ср. оз. **Каиро** в низов. Клязьмы; 11) *Kuřš-upis* (возможно, к этнониму *kuř-*

³ Гидронимы Тула и Туша засвидетельствованы также в бассейне Днепра, но другие совпадения между гидронимами Верхнего Поднепровья и Поочья — в целях экономии места — в статье не рассматриваются.

šis) — Курша, р. в басс. Гуся; 12) *Kùtr-upis* (*kutrà* 'быстрая') — Кутра, р. в низов. Оки; 13) *Káuš-upis* (*káušas* 'ковш') — Куша, р. в верхов. Москвы⁴, с суффиксом *-el-* ср. оз. *Kaušēlis* и Кушелевка, р. в басс. Оки выше Вапаны; 14) *Lož-upis* (видимо, к лит. *lōžinti* 'слегка изгибать' — Vanagas 1981, 196) — Лож, р. в басс. Протвы; 15) *Lāš-upis* (*lāšas* 'капля', *lašėti* 'капать, струиться') — Лоша, р. в басс. Москвы; 16) лтш. *Meiņk-upē* (ср. лит. *menkà* 'небольшая, плохая') — Менка, несколько рек в басс. Угры, Протвы и др. (Топоров 1988, 162); 17) *Maur-upē* (*māuras* 'ряска') — Мур, Мура, Мавра, рр. в басс. Оки выше Мокши и в верхов. Клязьмы; 18) *Nār-upē* (к *nāras* 'нырок' или *nāras* 'топкое место', оба слова — к *nērti* 'нырять')⁵ — Нара, несколько рек в басс. Оки; 19) *Pikt-upē* (*piktà* 'злая, сердитая') — Пикта, р. в басс. Оки выше Унжи (семантически ср. в басс. Оки: р. Злая и верх *Сердитой*); 20) *Plót-upis* (*plótas* 'глубина, глубокое место' — Плота, семь гидронимов в басс. Оки выше Нугри; 21) *Pōst-upis* (об этимологии см.: Vanagas 1981, 264) — Поста, р. в басс. Жиздры; 22) *Raĩnia-upis* (*raĩnas* 'пестрый') — Райня, р. в басс. Оки ниже Унжи; 23) *Rāg-upis* (видимо, к *ragùs* 'крутой') — Рог, р. в басс. Нугри и о. в басс. Оки ниже Зуши; 24) *Rūt-upis* (лит. *rūtà*, лтш. *rūta* 'рута') — Рута, рр. в басс. Угры и Протвы; 25) лит. *Saĩg-upē*, лтш. *Sarg-upis* (возможно, к *saĩgas* 'сторож', лтш. *sargāt* 'защищать, сохранять'; согласно Я. Эндзелину, гидроним означает 'Wächterbach' (Endzelins 1980, 2, 171 = Endzelin 1934, 123) — Сарга, р. в верхов. Мокши; 26) *Sēl-upis* (о разных этимологиях см.: Vanagas 1981, 295) — Села, р. в басс. Осетра; 27) *Skalb-upis* (*skālbti* 'стирать', а также 'быстро идти, бежать' — LKŽ 12, 696) — Скалба, р. в басс. Клязьмы; 28) *Starķ-upis* (лит. *starķas*, лтш. *starks*, др.-прус. *starkis* 'судак') — Старка, р. в басс. Мокши; 29) *Siūr-upelis* (*siūras* 'стремительный, быстрый') — Сюр, р. в басс. Мокши; 30) *Širš-upis* (*širše* 'шершень') — Шерша, рр. в басс. Клязьмы ниже Нерли и в низов. Оки ниже Теши.

Немало гидронимов рассмотренного типа подверглось в большей или меньшей степени славянизации. Например, *Skir-upis* (к *skirti* 'делиться, ответвляться') — р. Скир-к-а, *Sūr-upis* (к *sūrūs* 'солёный') — Сур-к-а и мн. др. И опять в списке приведенных примеров (количество которых можно было бы значительно увеличить) встречается немало гидронимов, находящихся намного восточнее меридианов Москвы или устья Москвы-реки.

Около 30 лет тому назад В. В. Мартынов на конкретном материале убедительно доказал, что сумма словообразовательных моделей в

⁴ Ср. также известный балтизм *ковш*. Как показывают материалы И. Я. Спрогиса, а также анализ гидронимов Поочья, лит. *ai* в процессе заимствования дает в русском языке *ав, ов, оу* и у.

⁵ Подробнее см. у М. Фасмера (Vasmer 1932, 663) и А. Ванагаса (Vanagas 1981, 223).

балтийских и славянских языках почти полностью совпадает (Мартынов 1973). Это зачастую затрудняет разграничение исконно родственной и заимствованной лексики в тех и других языках. Вместе с тем генетически родственные суффиксы часто выполняют разные функции в плане грамматической семантики. И это позволяет выделить следы заимствований как в апеллятивной, так и ономастической лексике. Как известно, очень часто словообразовательный анализ гидронимов сводится к простому вычленению суффиксов, между тем едва ли имеет смысл «коллекционирование» суффиксов. Прежде всего, конечная часть гидронима может быть не только суффиксом, но и концом корня или основы, а также вторым компонентом сложного слова. Неоднократно отмечалось, что внешне одни и те же суффиксы могут принадлежать разным языкам. Ср. в области антропонимики: *Спартак, Бальзак, Рыбак, Аршак, Савмак, Спивак* и мн. др. Как справедливо отметил Е. М. Пospelов, «язык суффикса далеко не всегда определяет язык основы» (Пospelов 1965, 38). Так, одна и та же именная основа *Петр-* осложняется многочисленными суффиксами, принадлежащими разным языкам: *Петр-ов, Петр-енко, Петр-ич, Петр-осян, Петр-еску, Петр-аускас*; в словосложении также *Петер-ман, Петер-сон* и др.

В последние десятилетия очень часто опять стали писать о системном подходе к языку, в частности — в области словообразования. Одна из статей известного топонимиста В. А. Никонова так и называлась: «Поиски системы» (Никонов 1963). Во многих работах по ономастике приводятся списки производных с теми или иными суффиксами. Но, как известно, система — это не простая совокупность каких-то элементов, а их *взаимодействие*. Словообразование — это процесс. Поэтому необходимо вскрыть динамику этого явления, показать модель, по которой создан, в частности, гидроним, и доказать, что данная модель принадлежит именно тому языку или тем языкам, на базе которого (которых) этимологизируется анализируемый гидроним. А пока выделяются те или иные корни и суффиксы или приводятся сходно звучащие слова, пока не показано, как построен тот или иной гидроним, мы можем говорить лишь о приблизительных намётках возможной будущей этимологии, которую еще нужно доказать. «Мало значения, — писал А. Мейе, — имеет этимология не очевидная, а только вероятная» (Мейе 1938, 437).

В настоящей статье применена методика ономастического анализа, разработанная автором в монографии «Догреческий субстрат», в частности — в главе III (Откупщиков 1988, 78–118). Небольшие замечания по балтийской гидронимии бассейна Оки можно найти в недавно вышедшей книге: Откупщиков 2001, 362–366.

Остановимся лишь на нескольких примерах, в которых гидронимы Поочья явно построены по балтийским словообразовательным моделям. Возьмем производные с близкими по своему общему значению (хотя и не идентичными) суффиксами: *-ŭnas*, *-ijà* (существительные), *-ótas*, *-ūs*, *-ingas* (прилагательные). Например: *kálnas* 'гора' — *kalnŭnas*, *kalnijà*, *kálnotas*, *kalningas*, *kalnūs* или *klampà* 'топь, трясина' — *klampingas*, *klampótas*, *klampūs*. Синонимичность собирательных суффиксов *-ŭnas* и *-ijà* в апеллятивной и ономастической лексике отмечалась неоднократно (см., например: Tarvydas 1958, 9). Характерно, что П. Скарджюс поясняет слово *kalnijà* посредством 'kalnupas', а *molyŭnas* посредством 'molija' (Skardžius 1943, 80, 267).

Несмотря на многозначность суффикса *-ŭn(as)*, П. Скарджюс пишет о широкой продуктивности этого суффикса у производных «*kolectyvinės reikšmės*» (Ibid., 266). Рассмотрим гидронимы бассейна Оки с балтийским суффиксом *-ŭn(as)*, выделив при этом несколько семантических групп.

Alkà 'болотце' + *-ŭn-* = **Alkŭnas* → **Алкин**, верх в верхов. Мокши⁶; *bēdrē* 'яма, болото, топь', р. *Bēdrē*, ср. (с вполне понятным изменением значения) *bedr-ŭn-as* 'помойная яма' (LKŽ 1, 738) → **Бедрино**, болото в басс. Оки выше Мокши. По той же модели образованы гидронимы: **Белин**, о. в басс. Клязьмы (к лит. *belà* = *balà* 'болото' — Ibid.)⁷; **Бургин**, о. в басс. Оки выше Скниги (к *buŭgē* 'топь, грязь, болото'; **Кунин**, лоск в басс. Рановы (к *kunē* 'непроходимое болото' — Невская 1977, 45); **Лабин**, верх в верхов. Упы (к *lòbas*, *lobà* 'яма, лужа, болото'⁸; **Ланин**, о. в басс. Оки выше Мокши — к лтш. *lānis* 'болото, сырой луг'; **Лунин**, о. в басс. Цны — к *lūnas* 'топь, трясина', *liūnŭnas* 'болотистое место'; **Маркин**, верх в басс. Нугри — к *markà* 'яма, пруд для вымачивания льна' (ср. *maŭkinas* 'сырой, влажный' — LKŽ 7, 865); реконструкция **Маркин** < **Markynas* подтверждается наличием производного с синонимичным суффиксом: р. *Markijà* в Литве; **Палкин**, ист. в низов. Клязьмы — гидронимическая основа *Palk-/Pelk-*, ср. *pélkē* и *pelkŭnas* 'болотистое место'; **Шляпин**, о. в низов. Москвы — к *šlāpias*

⁶ Семантически означает 'место, где много небольших болот'. Ср. *pélkē* 'болото' — *pelkŭnas*, *uoga* 'ягода' — *uogŭnas* и мн. др. Основное значение образований этого типа: 'место, где много чего-то или кого-то'.

⁷ Ср. в бассейне Днепра: **Балин** п. п. Десны (Топоров, Трубаев 1962, 176). Здесь можно добавить ссылку на лит. *balŭnas* 'болотистое место'.

⁸ По справедливому замечанию А. Ванагаса, балтийские гидронимы с основой *Лаб-* следует сопоставлять не с *lābas*, а с *lòbas* — Vanagas 1964, 227. Быть может, сюда же относится др.-прус. оз. *Lobyn*, которое В. Н. Топоров сопоставил с *lòbas* в значении 'русло'. Думается, что для названия озера, а не реки значение, приводимое А. Ванагасом, является более подходящим.

'мокрый', *šlapŭnas* 'сырое место'; **Юрин**, два оврага в басс. Москвы (*jaurà* 'болото', *jaurŭnas* 'болотистое место')⁹.

Другая семантическая группа связана с фауной и флорой. Здесь еще более отчетливо проявляется собирательное значение суффикса *-ŭn-*. Кроме того, названия гидронимов, образованные от названий животных и растений, имеют чрезвычайно широкое распространение в самых различных языках¹⁰.

Лит. *lāpē* 'лиса' + *-ŭn-* = *lapŭnas* 'место, где много лисьих нор' (т. е. лис) → **Лапин**, о. в басс. Оки выше Осетра; *dēbras* = *bēbras* 'бобр' + *-ŭn-* → **debrŭnas* = *bebrŭnas* 'место, где много бобров' → **Дебрин**, р. в басс. Жиздры, ср. (славянизация) **Дебринской**, о. в басс. Оки ниже Осетра¹¹; *apāras* 'рыба семейства карповых' + *-ŭn-* = **Апарин**, о. в басс. Клязьмы ниже Шерны, ср. **Апарин-к-а**, р. в низов. Клязьмы; *(j)ėras* 'ягненок' + *-ŭn-* = **Ерин**, верх в басс. Оки выше Нугри и в басс. Осетра; *kiškis* 'заяц' + *-ŭn-* = **Кишкин**, верх в басс. Осетра; *lūšis* 'рысь' + *-ŭn-* = **Лушин**, о. в басс. Клязьмы; *paŕšas* 'поросенок' + *-ŭn-* = **Паршин**, отв. в басс. Оки ниже Скниги; *miškas* 'лес' + *-ŭn-* = *miškŭnas* 'место, где много леса' → **Мишкин**, о. в басс. Зуши; *traušis* 'хвощ' + *-ŭn-* = *traušŭnas* 'место, где (растет) много хвоща' → **Трушин**, о. в басс. Оки выше Мокши.

Названия, связанные с рельефом местности, характеристикой гидронима или его берегов: *ánka* 'петля' + *-ŭn-* = **Анкин**, о. в басс. Цны; *daubà* 'овраг' + *-ŭn-* = *daubŭnē* (**daubŭnas*) 'овражистое место' → **Дубин**, верх в басс. Плавы; *kratà* 'копна' + *-ŭn-* = **Кротин**, о. в басс. Оки выше Мокши; *kuprà* 'горб, возвышенность' + *-ŭn-* = **Куприн**, верх в басс. Оки выше Протвы, ср. *Kùpr-upis* и оз. *Kuprinis* в гидронимии Литвы; *laužas* 'кучи веток, мусора' + *-ŭn-* = *laužŭnas* 'место, где много сломанных веток' → **Лужин**, о. в басс. Клязьмы¹²; *mólis* 'глина' + *-ŭn-* = *molŭnas* 'глинистое место' → **Молин**, о. в басс. Оки выше Мокши¹³;

⁹ Показательно, что в приведенных примерах отчетливо выступает связь между значениями 'овраг' и 'болото'. **Белин**, **Бургин**, **Ланин**, **Шляпин**, **Юрин** — все это названия оврагов, этимологически связанные с балтийскими апеллятивами, означающими 'топь, болото, низкое сырое место'. Ср. в диалектах русского языка: *овраг* 'низкое заболоченное место, топкая низина' (СРНГ 22, 302).

¹⁰ Из обширной литературы на эту тему можно отметить, например: Schröder 1937, Otrębski 1959, Senn 1959.

¹¹ Соответствия в других индоевропейских языках свидетельствуют об общности форм лит. *bēbras* и др.-рус. *бѣбрь*. Балто-славянской инновацией являются формы *bābras* и *бобрь*, а также лит. *dēbras* = *dābras* (= хорват. *dābar*). Кстати, это — еще одна южнославянско-балтийская изоглосса.

¹² Ср. *овраг* 'труднопроходимое место в лесу (с множеством сучьев, пней, древесных корней и т. п.)' — СРНГ 22, 302.

¹³ Ср. *овражная глина* — Даль 2, 642.

máuras 'ил, ряска' + *-yn-* = *maurýnas* 'илистое место' → **Мурин**, о. в басс. Клязьмы; *plótas* 'глубина, глубокое место' + *-yn-* = *plotýnas* 'там, где много глубоких мест' → **Плотин**, верх в басс. Оки ниже Нугри; *salá* 'остров' + *-yn-* = *salýnas* 'место, где много островов' (совр. 'архипелаг') → **Салин**, лоск в басс. Оки ниже Осетра; *sāta* 'устье (реки)' + *-yn-* = **Сатин**, о. в басс. Цны¹⁴; *úrvas* 'нора, пещера' + *-yn-* = *urvýnas* 'место, где много нор или пещер' → **Урвин**, о. в басс. Оки выше Унжи; *skiedrā* 'щепка' + *-yn-* = *skiedrýnas* 'место, где много щепок' → **Щедрин**, отв. в басс. Зуши.

Наконец, в рамках той же словообразовательной модели имеется интересная, хотя и небольшая группа гидронимов, этимологически связанных с нечистой силой: *baĩdas* 'привидение, призрак' (LKŽ 1, 556) — к *baidyti(s)* 'пугать(ся), страшить(ся)' + *-yn-* = **Байдин**, о. в басс. Оки ниже Зуши ('место, где много привидений'); *kaiķas* в значении 'душа некрещеного младенца' или 'черт' (LKŽ 5, 420–421) + *-yn-* = **Кукин**, о. в низов. Москвы: *mōnas* 'привидение, леший' + *-yn-* + слав. *-ской* = **Монинской**, о. в басс. Оки ниже Осетра.

Обращает на себя внимание, что во всех приведенных примерах речь идет об *оврагах*. Об этимологической связи этого вида гидронимов с *болотом* см. выше (примеч. 10). А болото как обычное место-пребывание чертей и всякой нечисти — представление достаточно широко распространенное: лит. *velnāpelkė, velniābalė* 'чертово болото'. Ср. также: *balai esant, kipšo netruks* (LKŽ 5, 828) и *было бы болото, а черти будут* (Даль 4, 597). Нечистая сила в балтийской гидронимии Поочья засвидетельствована и за пределами словообразовательной модели с суффиксом *-yn-*. Ср., например, лит. *pikšis* 'черт, бес', прилагательное *pikšinas* → **Пикшенка**, о. в басс. Оки ниже Мокши; *patarkūtis* (с суффиксом *-ut-*) 'злой дух, черт, привидение' — (LKŽ 9, 606) → **Патарк-ов**, о. в низов. Москвы и др. Но эта тема требует специального рассмотрения.

Среди специалистов по гидронимии очень «модным» является выделение так называемых «речных» суффиксов. Так, Б. А. Серебренников писал, что, в частности, «речной» суффикс *-ша* имел значение 'река' (Серебренников 1955, 27–28). В. В. Седов относил к финно-угорским названиям гидронимы **Икша**, **Мокша**, **Рокша** и др. только из-за наличия у них «финно-угорского форманта» *-кша* (Седов 1965, 285). В связи с этим А. И. Попов справедливо отметил, что нельзя формантам типа *-ша* приписывать «общности и единства происхождения на значительных протяжениях» (Попов 1965, 121). Е. М. Пospelов также писал: «Внешне одинаковые конечные эле-

¹⁴ 'Имеющий много устьев'. Видимо, название перенесено с реки на овраг или в разветвлениях оврага протекали ручьи. Типологически ср. др.-греч. *Πολύπορος*.

менты названий могут принадлежать разным языкам» (Пospelов 1965, 38). Только восстановив точную словообразовательную модель и подтвердив ее примерами из апеллятивной лексики — примерами, которые, в отличие от лексики ономастической, могут быть поддержаны и на семантическом уровне, — можно вычленил те суффиксальные производные, которые принадлежат определенному языку, входят именно в его словообразовательную систему. При этом какие-то гидронимы с подобными же конечными элементами, естественно, должны отпасть, если они не входят в систему данного языка. Например, если мы попытаемся в словообразовательный ряд на *-мень* (типа *Струмень*, *Узмень*, *Сухмень* и т. д.) включить топоним *Тюмень*, из этой попытки ничего не получится. Широкие в рамках русского языка словообразовательные связи первых трех топонимов (например: *Струмень* — *струя*, *струиться*, *Узмень* — *узъкъ*, *Сухмень* — *сухой*, *сушить* и мн. др.) отсутствуют у топонима *Тюмень*, ибо он не входит в словообразовательную систему русского языка¹⁵.

В литовской гидронимии широко представлены образования с суффиксами *-aš-*, *-eš-*, *-iš-*, *-oš-* и *-š-* (Vanagas 1970, 96, 138, 172, 190, 192). Остановимся на последнем суффиксе. Он известен и в апеллятивной лексике, и в ономастике, причем производные с этим суффиксом тесно связаны с прилагательными на *-ūs*: *genūs* 'пестрый' → *gėnšė* 'аист'¹⁶; *plikas* (**plikaš*) 'лысый, лишенный растительности' → *plykšė* 'место, лишенное растительности' (LKŽ 10, 234); *vargūs* 'бедный' → *vaigšė* 'беднячка'. То же — в гидронимии: *gilūs* 'глубокий' — оз. *Gilšė* (Vanagas 1981, 115), ср. *Gilūs ūpis*.

По этой же словообразовательной модели образованы гидронимы Поочья: *valkūs* 'топкий, вязкий' (LKŽ 18, 56) → **Valkšė* → **Волокша**, р. в басс. Оки выше Клязьмы¹⁷; *valūs* 'чистый' — **Вольша**, р. в басс. Нерли, **Волша**, оз. в басс. Цны; *varūs* 'говорливый' — **Вопша**, р. в басс. Цны; *varūs* 'кипучий', к *virti* 'кипеть' — **Ворша**, две реки в басс. Клязьмы ниже Пекши; *kopā* 'дюна' → **kopūs* (ср. *kálnas* 'гора' → *kálnūs* 'гористый, возвышенный') — **Копша**, р. в басс. Цны, ср. также

¹⁵ Об этимологии топонима *Тюмень* см.: Откупщиков 2001a, 353–360.

¹⁶ В семантическом плане ср. (с другим суффиксом) *genėlis* 'нестрый дятел'. Та же семантическая мотивация и у др.-греч. *πελαργός*: к *πελ(λ)ός* 'черный' и *ἀργός* 'белый'. Вариант *gėršė* 'аист', видимо, фонетического происхождения. Ср. лит. *gėnšė* и *gėšė*: *gėršė* = *ánžuolas* и *qžuolas*: *držuolas*. Ср. лат. **kanmen* (*cano* 'пою') > *carmen* (см.: Откупщиков 2001, 412–413).

¹⁷ Лит. *-šė* передается в славянских заимствованиях посредством *-ша*: *kulšė* 'бедно' — рус. диал. *кульша*, *kelašė* 'штанина' — блр. *келойша* (Лаучюте 1982, 15, 67) и др. О двоякой трактовке сочетаний типа *-tart-* в передаче балтийских гидронимов писал В. Н. Топоров (1972, 269).

Kapšių ežeras в Литве; *lavūs* 'проворный' — **Лавша**, р. в басс. Москвы ниже Рузы; *lakūs* 'быстрый' — **Лакша**, р. в басс. Теши; *lomūs* 'низкий' — **Ламша**, р. в басс. Оки выше Пры; *sekūs* 'мелкий, неглубокий' — **Секша**, р. в басс. Оки ниже Нерли; *saldūs* 'сладкий' — **Солодша**, л. п. Оки ниже Москвы, ср. *Sald-upis* и другие гидронимы с той же основой в Литве; *samūs* 'удобочерпаемый' — **Сомша**, р. в басс. Клязьмы выше Пекши; *tolūs* 'дальний' — **Толша**, р. в басс. Оки выше Скниги и р. в басс. Клязьмы выше Нерли, ср. *Tol-upis* и *Toleišė* в Литве; *šāmas* 'сом' → **šamūs* (по модели *kālnas* → *kalmūs*) — **Шамша**, оз. в басс. Оки выше Гуся; *šakūs* = *šokūs* 'быстрый, прыткий' (к *šokti* 'прыгать, скакать') — **Шокша**, несколько рек в басс. Мокши, ср. (с уменьшительным суффиксом *-ėl-*) р. *Šakš-ėl-ė* в Литве¹⁸.

Наличие вариантов суффикса *-š-* (*-aš-*, *-eš-* и др.) допускает в некоторых случаях разные реконструкции. Например, гидроним **Лапша** (в басс. Мокши) можно возвести к лит. *lāpas* 'лист' и по рассмотренной выше модели возвести к **lapūs* = *lapuotas*. Или же — к *lāpušė* 'осина' → *Лан(ь)ша*. Ср. за пределами бассейна Оки: *apušė* 'осина', р. *Apušė* → *Он(ь)ша*, р. в бывш. Тамбовской губ. Вариант суффикса *-uš-* достаточно четко выступает при сопоставлении лит. *dubūs* 'глубокий' → *Dubuška* (Vanagas 1970, 209) и *maurūs* 'покрытый ряской, илистый' или *murūs* 'вязкий, топкий' → **Мурушка**, р. в басс. Мокши. Вариант суффикса *-auš-*: *lókė* 'медведица' → р. *Lokauša* → **Лакаша**, р. в басс. Оки ниже Пры. Ср. также русскую передачу литовского гидронима в самой Литве: **Лаковша** и **Лакоша** (Спрогис 1888). Иногда остается неясной производящая основа гидронима, но налицо цельнолексемное соответствие в литовской апеллятивной или гидронимической лексике: *šarša* 'водная рябь' — **Шорша**, оз. в низов. Мокши; *Rākš-daubis*, р. в Литве — **Рокша**, три реки в басс. Клязьмы, Нерли и Яхромы¹⁹. Часто гидронимы балтийского происхождения подвергались славянизации: *tekūs* 'текучий' — **Тякш-еево**, оз. в басс. Клязьмы: *einūs*

¹⁸ А. Ванагас (со ссылкой на: Пospelов 1970) склонен последний гидроним считать заимствованием из финского (Vanagas 1981, 324–325). Е. М. Пospelов приводит ряд гидронимов на Русском Севере и ссылается на мар. *шокиш* 'рукав' (Пospelов 1970, 99). Однако сам Е. М. Пospelов писал о переносе значительного числа гидронимов из Волго-Окского бассейна на север в результате колонизации последнего. Что касается мар. *шокиш* в гидронимическом значении, то очень похоже, что здесь имело место калькирование под влиянием русского языка (ср. рус. *узел* в значении меры скорости судна — под влиянием англ. *knot*). Наконец, если следовать подобной методике, то почему бы по созвучию не сослаться, например, на мар. *шокишо* 'тепло, теплый'? В любом случае перед нами — изолированный пример, вообще характерный для атомарного похода к гидронимическим объектам.

¹⁹ В. В. Седов считает гидроним **Рокша** финно-угорским из-за «форманта *-кша*» (Седов 1965, 285).

'быстрый' — **Инш-инка**, две реки в басс. Оки выше Упы и ниже Крушмы. Но славянизация балтийской гидронимии Поочья — это также тема для отдельной работы, причем с весьма обширным материалом.

В ряде случаев этимология гидронима требует более сложных реконструкций. Остановимся только на одном таком примере — на этимологии гидронима **Мокша**. Более 40 лет тому назад В. Н. Топоров высказал предположение, что здесь мы имеем дело с этническим названием финского племени (Топоров 1959, 58). Е. М. Пospelов в связи с этим отметил, что «не река получила название по этнониму, а этноним образовался от названия реки» (Пospelов 1970, 99). Ф. И. Гордеев сначала сопоставил гидроним **Мокша** с лит. *makasynė* 'грязь, слякоть' (Гордеев 1967, 195), но позднее отказался от своего сопоставления, заявив, что на материале балтийских языков название **Мокша** необъяснимо (ЭСМЯ 1, 143). Конечно же, сопоставление с лит. *makasynė* — это типичное сближение «по сходству звона», а поэтому пессимистический вывод В. А. Никонова, сделанный еще ранее, остается в силе: «Значение неизвестно, предлагавшиеся этимологии бездоказательны» (Никонов 1966, 272). Правда, сам автор находится под впечатлением пресловутого финно-угорского «окончания *-кша*».

Обратимся, однако, к словообразовательному анализу. В славянских и балтийских языках широко представлены производные корня **mak-/mok-*: лит. *maknūs* 'топкий, жидкий', *makōnė* = *makōšė* 'грязь', рус. *мочить*, *мокрый* и др.

Литовские прилагательные на *-ūs* очень часто осложняются суффиксами *-l-*, *-n-*, *-r-* и др. Ограничимся примерами с суффиксальным *-r-*: *skubūs* = *skubrūs* 'быстрый', *vingūs* = *vingrūs* 'извилистый', *stangūs* = *stangrūs* 'упругий'. В этот ряд естественно вписываются реконструированные литовские формы **makūs* или **mokūs* при их сопоставлении с др.-рус. *мокръ*²⁰. Далее по рассмотренной выше модели **mokūs* → *mōkšė* (без звездочки!) 'болото' ('bala, pelkė' — LKŽ 8, 333) → **Мокша** 1) оз. в басс. Оки выше Пры, 2) р. в басс. Клязьмы ниже Нерли, 3) п. п. Оки выше Теши, 4) оз. в басс. Мокши и Цны. И это — не изолированная реконструкция ad hoc, не этимология, опирающаяся только на «финно-угорский формант *-кша*» (Седов 1965, 285), а этимология, базирующаяся на типичных для балтийских языков словообразовательных моделях, наиболее отчетливо выступающих в литовском языке. К тому же приведенная этимология гидронима **Мокша** подтверждается наличием такого важного апеллятива, как лит. *mōkšė* 'болото'.

²⁰ Варианты *mak-* и *mok-* отражены в литовской гидронимии: оз. *Makys* и р. *Mokiā*.

Далее рассмотрим несколько примеров с суффиксом *-ok-*. Этот литовский суффикс очень часто соответствует по своему значению русскому суффиксу *-оват-*, ср. лит. *balókas* и рус. *беловатый* (Skardžius 1943, 134). Русский же суффикс *-ак-*, материально совпадающий с лит. *-ок-*, такого значения не имеет. Это помогает установить балтийскую принадлежность целого ряда гидронимов Поочья. Остановимся, как и во всех предыдущих случаях, лишь на нескольких примерах.

Лит. *valūs* 'чистый', *valókas*, *-a* 'довольно чистый', *-ая* — **Валок** = **Валока**, р. в басс. Протвы; *gramūs* 'красивый', *gramókas* 'довольно красивый' — **Громок**, отв. и р. в басс. Цны, между ними — р. *Красавка*; *dubūs* 'глубокий', *dubókas* 'довольно глубокий' — **Дубок**, о. в басс. Жиздры, ср. — с другим суффиксом — оз. *Dubúkas* (Vanagas 1981, 93); *lénas* 'тихий, спокойный' и 'отлогий' (*ežeras su lénais krantais* — LKŽ 7, 327–328), *lénókas* — **Ленок**, о. в басс. Цны (совпадение с названием рыбы *ленок* — случайное); *lōmas* = *lomūs* 'низменный, низкий', *lamókas* — **Ломок**, оз. в басс. Оки ниже Мокши, *Сухая Ламока*, р. в басс. Цны; *māžas* 'малый, маленький', *mažókas*, *-a* — **Мажок** и (вариант) **Мажока**, несколько рек в левобережье Оки между реками Нутрь и Угра²¹; *mastyti* 'плести, сплетать, сновать', *mastūs* 'снующий', т.е. 'извилистый' — **Масток**, о. в басс. Оки ниже Упы; *nuovalūs* 'чистый' + *-ok-* = **Навалок**, о. в басс. Рановы; *plėšas* 'быстрый, стремительный', *plešóka* 'довольно быстрая' — **Плешока**, р. в басс. Рановы, ср. *Plėpys* р. в Литве; *rūdas* 'коричневый', *rudókas* 'коричневатый' = р. в Литве *Rudokė* (Vanagas 1981, 281) → **Рудача** (Писцовые книги Рязанского края — без локализации, см.: Смолицкая 1976, 283); *stramūs* 'крутой', *stramókas* — **Страмок**, р. в низов. Упы.

В целом ряде случаев построенные по той же самой словообразовательной модели гидронимы подверглись славянизации (наслоению вторичных славянских суффиксов): *artūs* 'близкий', *artókas* — **Артаковский**, о. в низов. Угры; *deīnas* и *daīnas* 'красивый' — **Дернаков** и **Дорнаков**, два оврага в верхов. Москвы; *dūras* 'тихий' — **Дураково**, оз. в басс. Оки выше Унжи, *Дураковской*, две реки в басс. Пахры и Клязьмы; *īsas* 'короткий', *īsókas* 'коротковатый' — **Исаков**, *Исаковской*, четыре оврага в басс. Упы и Клязьмы; **maklūs* = рус. *моклый*²², **maklókas* 'мокрватый' — **Маклаков**, о. в низов. Москвы; *rūdas* (см. выше) — **Рудаков**, о. в низов. Москвы; *šėmas* 'светло-серый' + *-ok-* = **Шемаков**, о. в басс. Москвы; *jūras* 'шумный' (ср. *jūra jūroji* — LKŽ 4, 431) + *-ok-* = **Юраковской**, о. в басс. Тешы.

²¹ Иначе объясняет эти гидронимы В. Н. Топоров, допускающий, что суффикс *-ок-/-ек-* здесь — славянский (Топоров 1988, 174).

²² Наряду с суффиксальным *-l-*, корень *tak-/tok-* (см. выше) засвидетельствован в балтийском и славянском также с суффиксами *-n-* и *-r-*: лит. *tak-n-ūs* и др.-рус. *мок-р-ъ*.

Балтийские словообразовательные модели в гидронимии Поочья далеко не ограничиваются производными с суффиксами *-уп-*, *-š-* и *-ок-*. Приведем несколько гидронимов с другими суффиксами, часто — осложненными суффиксами славянского происхождения²³.

Суффикс *-in-* дает варианты:

1) *-инский, -инской*. Лит. *miškas* 'лес', *miškinis* 'лесной', оз. *Miškinis* в Литве — **Мышкинской**, о. в верхов. Клязьмы; *pietinis* 'южный' — **Петинской**, о. в басс. Мокши; *pilkinis* 'серого цвета' — **Пилкинской**, ист. без локализации (Смолицкая 1976, 282); *kirka*²⁴ 'чайка', *kirkinis* — **Киркинское**, оз. в низов. Клязьмы; *kačšis* 'рыба Abramis brama' (по той же модели) — **Каршинской**, о. в басс. Нерли; *pėkė* 'жаба' — **Пекинской** (см. выше), о. в басс. Оки ниже Осетра; р. *Paliūtė* (к *pālios* 'болото') — **Полутинской** — гидроним без точной локализации (Там же) и др.

2) *-инка, -енка*. Лит. *šilas* 'сосновый бор', р. *Šilinė* — **Шилинка**, р. в басс. Оки выше Унжи; *judūs* 'подвижный', р. в Литве *Judinys* — **Юдинка**, р. в басс. Клязьмы ниже Нерли; *šidurė* 'север' (по той же модели) — **Шуринка**, р. в басс. Оки ниже Осетра; *pylė* 'утка' — **Пиленка**, две реки (Там же); *būtė* 'пчела', *bitinis* 'пчелиный' — **Битенка**, р. в басс. Оки ниже Упы; *lietinis* 'дождевой' — **Литинка**, р. в басс. Оки выше Северки; *arūnė* 'нива, пашня' — **Арининка**, р. в низов. Оки; *krūpė* 'жаба' — **Крупинка**, р. в басс. Москвы; *gālas* 'конец', *galinis*, р. *Galinė* в Литве — **Галинка**, две реки в басс. Оки ниже Осетра и в в. верхов. Прони; *kirka* 'чайка' — **Киркинка**, р. в басс. Прони, ср. *Kirk-upis* в Литве; *lāšis* 'лосось' — **Лашинка**, р. в низов. Москвы, ср. *Lašin-daubė* в Литве; *sausas* 'сухой', р. *Saūsinė* — **Сусенка**, р. в басс. Жиздры и мн др.

3) *-(ь)ня*. Лит. *obelis* 'яблоня', р. в Литве *Obelinė* — **Абельня**, р. в басс. Жиздры (ср. Топоров 1989, 62); *briušis* 'рыба Cyprinus erythrophthalmus' — **Брюш(ь)ня**, р. в верхов. Москвы (иначе: Топоров 1972а, 193); р. *Vadā*, оз. *Vadinis*, прилагательное женского рода *vadinė* — **Вод(ь)ня**, р. в басс. Оки выше Протвы; *apušė* 'осина', *apušinė* 'осиновая' — **Апошня**, р. в низов. Упы, ср. р. в Литве *Apušė*; *gorūšis* 'горький', р. *Gorinė* — **Гор(ь)ня**, р. в басс. Осетра; *lobas* 'яма, болото', ср. оз. *Lobinis* в Литве — **Лоб(ь)ня**, р. в басс. Клязьмы выше Вори; *degūtas* 'деготь' — р. *Degutinė* (Литва) — **Деготня**, р. в басс. Оки выше Упы; лит. р. *Glėbinė* — **Глебня**, р. в басс.

²³ Это — хорошо известный факт. В частности, В. В. Седов писал о напластовании славянского суффиксального оформления на названия явно балтийского происхождения (Седов 1971, 109). Это неоднократно отмечал в своих работах и В. Н. Топоров (например: Топоров 1972а, 214).

²⁴ К *kirkti* 'кричать' (Fraenkel 1, 256).

р. в басс. Осетра; *lōbas* 'яма, болото', ср. оз. *Lobinis* в Литве — Лоб(ь)ня, р. в басс. Клязьмы выше Вори; *degūtas* 'деготь' — р. *Degutinė* (Литва) — Деготня, р. в басс. Оки выше Упы; лит. р. *Glėbinė* — Глебня, р. в басс. Клязьмы; несколько более сложный случай: лит. р. *Vaīnė* и *Pavárnis* (часть озера — Vanagas 1981, 251): названия озер в литовском языке — мужского рода, а оврагов (*daubā, griovā, raguva*) — женского; отсюда — **Pavárnė* → Поварня, о. в верхов. Упы.

Суффикс -oj-

Лит. *grėznas* 'красивый', *grėznója* (= *grėznóji*)²⁵ — Грезная, р. в верхов. Оки; *gramūs, gramì* (= *gramā*) 'красивый', *gramója* — Громая, р. без локализации в бывш. Тульской губ. (Смолицкая 1976, 276); *deīnas* 'красивый', *derńója* — Дерная, р. в басс. Упы; *liūtas, liūtója* '(довольно) дождливая' — Лютая, р. в басс. Жиздры; *sparūs* = *spartūs, *sparnūs*²⁶ 'быстрый', **sparnója* — Спорная, врш. в басс. Оки выше Беспуты, ср. также пять речек с этим названием на Украине (СГУ, 523); *tolūs* 'дальний, далекий', *tolója* — Талая, две реки в басс. Оки выше Пры и выше Мокши. Примеры образований с суффиксов -oj- у гидронимов мужского рода: *māžas* 'малый' + -oj- = Можай, три реки в басс. Угры, Москвы и Оки (ниже Упы); *traupūs* (= *trapūs* — LKŽ 16, 580) 'быстрый' + -oj- = Трупай, р. в басс. Цны, ср. *Traupė*, р. в Литве (Vanagas 1981, 347 ссылается на иные значения лит. *traupūs*).

Суффиксы -eik- и -ija-

Литовское оз. *Taureikis* — Турейка, р. в басс. Оки выше Лопасни и в басс. Угры; лит. *sausas* 'сухой' + -eik- = Сусейка, р. в басс. Жиздры (Топоров 1989, 61); *lūnas* 'рыба семейства карповых', *Lūn-ežeris* и др. + -eik- = Линейка, р. в басс. Мокши; *Taurijā* (см. выше) — Турея и Турья, три реки в верхов. и среднем течении Оки: р. *Šunija* (к *šuo* 'собака') — Шунья, р. в басс. Клязьмы: р. *Uosijā* (к *uosis* 'яшень') — Усия, р. в низов. Угры.

Последние две словообразовательные модели неразрывно связаны между собой — как в гидронимии Литвы, так и Поочья. Ср. р. *Vilija* — *Vileikis*, р. *Taurijā* — *Taureikis* в Литве и Турея — Турейка, Бледя — Бледейка (к лит. *blėdė* 'рыба типа плотвы') — в бассейне Оки. Это —

²⁵ Наряду с типом *geróji*, в архаических текстах и диалектах встречается и *gerója*. Ср. также *авкшотя* в документах XVI века — Zinkevičius 1981, 94.

²⁶ С известным суффиксальным чередованием -t/-n- типа лит. *bál-t-as/ bál-n-as* 'белый'.

Поочья. Другие языки могут иметь отдельные суффиксы, материально или даже генетически совпадающие с балтийскими суффиксами, но взаимодействие внутри всей суммы суффиксальных моделей не может совпадать в разных (особенно — неродственных) языках. Используемая в настоящей статье методика исследования основана на анализе словообразовательном, целью которого является не вычленение суффиксов (финно-угорских или балтийских), а выявление их внутренней динамики. Гидронимы с формантами -ш- или -кш- могут быть и финно-угорскими, и балтийскими, и, например, русскими (гидроним *Векшинской* в басс. Оки, ср. апеллятив *векиша*). Суффикс -eik- еще не говорит о том, что содержащий его гидроним — балтийского происхождения, ср. в басс. Оки: *Журавейка, Соловейка*. Важно определить, словообразовательную систему какого языка (или каких языков) отражает гидроним с тем или иным суффиксом.

Чтобы пояснить особенности методики, принятой в настоящей статье, сошлюсь на пример, приведенный в одной из моих заметок (Откупщиков 2001, 364–365). Выдающийся специалист по балтийской гидронимии — и не только бассейна Оки, но и других ареалов, В. Н. Топоров, более, чем кто-нибудь другой, сделавший в этой области, гидронимы *Гжелька* (басс. Днепра и Оки), *Гжать, Гжунь* и *Гжолка* (басс. Днепра) сопоставляет с др.-прус. *gudde* 'куст(арник)' — не приводя каких-либо фонетических и словообразовательных аргументов (Топоров 1959, 59; 1972, 242; Топоров, Трубаев 1962, 175). Как связаны между собой эти гидронимы — также остается неясным. Но сопоставим производные лит. *bėržas* 'береза' и *gūžas* 'аист' (в первом случае — в гидронимии Литвы, а во втором — в бассейнах Днепра и Оки):

<i>bėržas, Bėrž-upỹs</i>	—	<i>gūžas, Guž-upỹs</i> (Литва),
<i>Bėrž-ėl-is</i>	—	<i>Guž-ėl-is</i> (антропоним) → Г(ъ)ж-ель-ка,
<i>Bėrž-ot-is</i>	—	* <i>Guž-ot-is</i> → Г(ъ)ж-ат-ь,
<i>Bėrž-uon-is</i>	—	* <i>Guž-uon-is</i> → Г(ъ)ж-ун-ь,
<i>bėrž-āl-is</i>	—	* <i>guž-āl-is</i> → Г(ъ)ж-ол(ь)-ка.

Для каждой из этих пар можно привести большое количество гидронимов и апеллятивов с каждым из перечисленных суффиксов. Так, производные с суффиксом -el- занимают 12 страниц в монографии А. Ванагаса по словообразованию литовских гидронимов (Vanagas 1970, 113–124) плюс 6 страниц производных с суффиксом -ėl-. Достаточно хорошо представлены также гидронимы с суффиксами -ot-, -uon- и -al-. Подобные же «комплексы» суффиксов можно найти и у

других балтийских гидронимов Поочья. Например, производные от лит. *māžas*: **Можай** и **Mažojus* — как *ramūs* 'спокойный' и *Ramojus*; **Мажок** ← *mažokas* ← *māžas* — как *Rudokė* (и **Рудача** — см. выше) ← *rudokas* ← *rūdas* 'коричневый'; **Мжара**, р. в басс. Нерли (с синкопой, ср. **Мжай** = **Можай**, а также о. **Можаровской** в басс. Прони) к *māžas* — как *Rōmara* к *rōmas* = *romūs* 'спокойный'; **Мжут** (также с синкопой), р. в басс. Протвы — гидроним образован по типу р. *Šermūtas* (об этимологии см. Vanagas 1981, 329). **Мжилона**, р. в басс. Протвы — с синкопой, с первичным суффиксом *-il-* (Vanagas 1970, 152–153) и вторичным *-on-* (Ibid., 188–189). Простая основа (без суффиксов) засвидетельствована в бассейне Днепра: **Мажа**, три реки в басс. Морочи, Случи и Припяти (Топоров, Трубачев 1962, 195). Лит. *pėkė* 'жаба' — с целым рядом литовских (resp. балтийских) суффиксов: *pekinis* (как *varlė* 'лягушка' — *varlinis*, ср. оз. *Varlīnis*) — **Пекинской**, о. в басс. Оки ниже Осетра: *pekūlis* (как *vėbras* 'бобр', *vebrūlis*, ср. р. *Vebrūlis*) — **Пекулевский**, вариант названия того же оврага: *pekūonis* (как *Beržuonis*) — **Пекунской**, верх в низов. Упы; *pekūtė* (LKŽ 9, 750) + суффикс *-in-* = **pekutinis*, ср. *galutinis*, *vidutinis* и т. п. (Skardžius 1943, 256–257), а также р. *Vidutinis* — **Пекотинка** (ъ > о), р. в басс. Клязьмы: *pėkė* и **pekišā* (ср. *lašis* 'осетр' — *lašiša* и р. *Lašišā*) — **Пекыша** и **Пекша**, р. в басс. Клязьмы²⁷. Поскольку рассмотренные (и иные) словообразовательные модели гидронимов бассейна Оки очевидно являются балтийскими, должны внушать доверие и другие балтийские этимологии, базирующиеся не на сопоставлении изолированных близко или отдаленно звучащих слов, тем более — корней, а на целнолексемных совпадениях гидронимов — с балтийской апеллятивной лексикой. Приведем небольшой перечень примеров. В семантическом плане особенно часто в бассейне Оки встречаются названия, связанные с характеристикой гидронима или местности, в которой он находится. Например: *artūs* 'близкий' — **Артус**, р. в басс. Оки ниже Унжи и в низов. Оки; *verstā* 'верткая' — **Верста**, р. в басс. Оки ниже Москвы, ср. **Сукма** — к лит. *sukti* 'крутить, поворачивать'; *družnā* 'мутная' — **Дрожна**, р. в басс. Клязьмы (ъ > о); *eiklūs* 'быстрый' — **Иклинка**, р. в басс. Оки ниже Нары; *eiškā* 'ясная, светлая' — **Ишка**, р. в верхов. Мокши; *kaistrūs* 'горячий' — **Киструс**, л. п. Оки выше Пры²⁸; *leņgvas* в значениях 'быстрый' или 'песчаный' (LKŽ 7, 334) — **Ленгас**, р. в басс.

²⁷ Иначе А. И. Попов: к эрз. *пекше* 'липа' (Попов 1965, 111). Это типичный атомарный подход к этимологизации гидронима как изолированного объекта. К тому же две реки *Пек(ь)ша* засвидетельствованы в левобережье левого притока Оки Клязьмы, где, кажется, нет следов мордовской топонимики.

²⁸ Соотношение *ai-* у как и в случае *diškus*–*uškus*. Типологически ср. **Горячка**, р. в басс. Оки — также выше Пры.

Цны²⁹; *lobnūs* 'низкий, впалый, глубокий' — **Лобна**, р. в басс. Оки выше Упы; *lōva* 'русло реки' — **Лова**, р. в басс. Жиздры и др.; *māklinas* 'грязный' — **Моклинской**, о. в басс. Нерли; *maskus* 'малый' — **Маска**, п. п. Дубны и р. в басс. Клязьмы ниже Шерны; *menkā* 'небольшая, плохая' — **Менка**, несколько рек в басс. Оки; *mizgūs* 'запутанный' или 'быстрый' (LKŽ 8, 302) — **Мизга**, р. в басс. Оки выше Упы; *molūtė* 'глинистое место' — **Молировка**, р. в низов. Оки (ср. также одноименный микротопоним в Нижнем Новгороде); *murzinā* 'грязная, илистая' — **Мурзина**, р. в басс. Оки выше Мокши; *otrūs* 'быстрый' — **Отра**, р. в басс. Москвы³⁰, **Б. Атра**, р. в басс. Теши; *perša* 'попынька' и 'богатое источниками болотистое место' — **Перша**, оз. в басс. Оки выше Пры; *piētas* 'южный' — **Пет** и **Петас**, две реки в басс. Оки ниже Пары, обе впадают в Оку с юга; *panašūs* в значении 'проворный' — **Поноша**, р. в басс. Москвы ниже Рузы; *rēvas*, *rēvd* 'речной порог, стремнина' — **Рев**, вариант **Рева**, р. в басс. Рановы; *tinginis* 'ленивый' — **Тенгинской**, о. в басс. Оки ниже Теши (ъ > е): *tūnūs* 'медлительный, вялый, ленивый' — **Тунус** = **Тынус**, р. в басс. Оки выше Пры, с обычной двойной передачей *ū* как у или *ы*; *tingūs* 'ленивый' — **Тянга**, две реки в басс. Цны (*in* > *я* > *я*); *auglūs* 'пышный (о растительности)' — **Углус**, о. в басс. Клязьмы ниже Нерли; *uolā* 'скала, каменная (окаменевшая) земля' → *uolōtas* — **Улот**, р. в басс. Жиздры³¹; *šalmiū* 'попынька' — **Шалма**, р. в басс. Мокши; *šalutinis* 'боковой, побочный' — **Шалутинской**, о. в верхов. Москвы; *šaršā* 'водяная рябь' — **Шорша**, оз. в низов. Мокши; *šiaurā* 'северная' или 'холодная' — **Шура**, р. в басс. Клязьмы выше Нерли, **Шавра**, р. в басс. Мокши, ср. также **Шовруп** у Спрогиса³²; *skevd* 'плохая, слабая' — **Щева** = **Спева**, р. в басс. Жиздры; *jaunā* 'новая, свежая' (в Латвии гидронимическая основа *Jaun-* представлена, кажется, шире, чем в Литве) — **Юна**, р. в басс. Мокши; *jurūs* 'светло-зеленый' — **Ярус**, оз. в басс. Оки ниже Пры. В ряде случаев этимология гидронимов Поочья определяется с помощью глаголов: *kišti* 'прятать, скрывать' — **Кишма**, р. в низов. Оки, ср. *taīti* 'сказать, произнести' — *tarmā* 'говор, наречие' (Skardžius 1943, 204); *maīmazoti* 'мазать, пачкать' — **Мармазевка**, р. в басс. Протвы, **Мармозня**, р. в

²⁹ Об изменении *-ngv-* > *-ng-* в русском заимствовании *ленгус* 'лентяй' см.: Откупщиков 1989, 60–65 = Откупщиков 2001а, 122–127. Не исключено последнее значение и для р. *Ленгас* — оно вполне обычно для гидронимов, ср. отв. *Ленивой* в басс. Зуши, а также гидронимы *Тенгинской*, *Тунус*, *Тянга* (см. ниже).

³⁰ Иначе: Топоров 1972а, 210.

³¹ Сам гидроним *Жиздра* уже давно этимологизируется из лит. *žydras* 'гравий, камешки на дне' (Погодин 1901, 93; Vasmer 1932, 660 и др.).

³² Ср. Топоров 1989, 51. Иначе К. Буга (Būga 3, 541) — о р. *Szura* в басс. Нема-на: к *siaurūs* 'acerbus'.

басс. Угры; *murméti* 'ворчать, урчать, журчать (о речке)' — **Мурма**, р. в басс. Клязьмы ниже Нерли; *remžti* 'спешить' или 'шуметь' — **Ремжа**, р. в верхов. Клязьмы; *sūkti* 'крутить, поворачивать', *sukmiõ* 'изгиб, поворот' — **Сукма**, р. в басс. Угры; *tálžyti* 'бить, ударять, хлестать' — **Толжа**, р. в басс. Угры; *uršti* 'урчать, ворчать' — **Урша**, р. в басс. Оки выше Мокши (в семантическом плане ср. **Мурма**); *šildinti* 'согрывать' — **Шильдино**, оз. в басс. Цны, ср. *šilias* 'теплый'. Как обычно в гидронимии, в бассейне Оки часто встречаются названия, связанные с флорой и фауной. К уже приведенным выше добавим еще несколько примеров: лит. *kindaras* 'пузырчатка' (бот.) — **Киндар**, о. в басс. Оки ниже Прони; *pūšė* 'сосна' — **Пуша**, оз. в басс. Мокши (ср. три реки Сосна в Поочье); *senika* 'подлесник' (бот.) — **Сенька**, р. в басс. Угры; *šindra* 'болотное растение' (бот.) — **Шиндра**, р. в басс. Рановы; *kiaulė* 'свинья' — **Кевля**, р. в верхов. Мокши; *kirmis* 'змея, уж' (в диалектах) — **Кермис** (ь>е), р. в басс. Цны; *kopikai* 'дятловые' — **Копиковка**, р. в низов. Москвы; *šernas* = *šarnas* 'кабан' — **Шерна** = **Шорна**, три реки в верхнем и нижнем левобережье Оки³³; *jukšā* 'поросенок' — **Юкша**, р. в басс. Клязьмы ниже Нерли.

На фоне изложенного материала есть возможность пересмотреть вопрос об этимологии морд. *лей*, *ляй* 'ре(ч)ка, овраг'. Слово это, выступающее, в частности, как второй компонент многих гидронимов, не имеет финно-угорской этимологии. У него нет соответствий в других финно-угорских языках. Поэтому естественно, что его пытались объяснить как заимствование. Так, А. И. Попов вслед за М. Фасмером (Vasmer 1941, 35) защищал предположение о том, что морд. *лей* было заимствовано из татарского -лы, ср. тат. *balykly* 'рыбная речка' (Попов 1965, 50–51). Однако в тюркских языках, кажется, нет слова с таким значением. Тюрк. *balykly* означает 'богатый рыбой' (ЭСТЯ 1978, 60), а не 'рыбная речка'. К тому же обычно приводимый сюда топоним *Балаклава* получил свое название не от речки, а от богатого рыбой морского залива; отсюда значение этого топонима: 'бассейн для рыбы' (Радлов 1911, 1497). Наконец, остается совершенно необъяснимым вопрос о фонетической субституции в процессе заимствования в случае предполагаемого изменения -лы > -лей, *ляй*. Ф. И. Гордеев уже давно выдвинул гипотезу о балтийском происхождении морд. *лей*, *ляй*, не приведя в ее пользу никаких аргументов, кроме ссылки на два литовских слова, данных к тому же с ошибками: *liletī* (вместо *lletī* 'лить') и *liejikas* (вместо *liejimas*) 'выливание'³⁴ (Гор-

деев 1967, 183). Кроме того, известно, что корень *lei- 'лить' не является только балтийским. Он широко представлен, в частности, и в славянских языках. И все же в пользу вывода о балтийском происхождении морд. *лей* можно привести целую серию аргументов. Прежде всего, огромное количество балтийских гидронимов в бассейне Оки (в том числе и в Мордовии, см.: Откупщиков 2001, 365–366) уже само по себе заставляет направить внимание именно на балтийские языки при выяснении вопроса об этимологии морд. *лей*. Укр. *лея* 'проливной дождь' и *лея* 'разлив речки' (ЕСУМ 3, 228, 246), рус. *водолей* 'дождевое облако' — наиболее близкие к балтийским образованиям слова. Лит. *lletī(s)* 'лить(ся), течь' лежит в основе таких слов, как *išlejis* 'наводнение', *atlejšys* 'залитое разлившейся водой место'. Гидроним **Нелей**, р. в басс. Угры (верхнее левобережье Оки — далеко к северо-западу от Мордовии), типологически аналогичен гидрониму **Нетеча**, оз. и река в басс. Оки ниже Беспуты и выше Прони — ср. славизм *Netėčius*, оз. в Литве. Для балтийской гидронимии вообще типичны наименования, начинающиеся на *Ne-* (Vanagas 1970, 216–218): *Nevadā*, *Nevardā*, *Neperā*, *Netiesā*, *Nevēža* и др. Какая-то часть гидронимов этого типа в Поочье (с начальным *He-*) также относится к числу балтизмов (не только **Нелей**, но, например, **Невежа**, р. в басс. Упы, ср. лит. *Nevėža*). Наконец, **Лея** (р. в басс. Цны), в верховьях которой находится р. **Маза** (к лтш. *maza* = лит. *maža* 'малая'), заставляет обратиться к материалам латышского языка, который значительно меньше, но все же представлен в гидронимии Поочья³⁵. Лтш. *leja* и *lejs* 'долина, низина' не только этимологически связаны с корнем *lei-* (лтш. *liet* 'лить', *lieties* 'литься, течь'), но и явно претерпели сдвиг в своей семантике, являющийся своего рода универсалией: 'лить, течь' → 'река' → 'заливной луг', 'долина реки' → 'долина'. Ср. др.-греч. *λείβω* 'лью' (и.-е. корень *lei-/loi-/li-) — *λείβδιον* 'вода, водоем' — н.-греч. *λείβδι* 'луг'; с другим суффиксом: др.-греч. *λίμνη* 'озеро, болото' — *λειμών*, *λειμαξ* 'луг' ('jeder feuchte, wasser- und grasreiche Ort'); монг. *гол* 'река' и 'долина'. Отсюда понятно, почему слова со значениями 'луг', 'долина' часто оказываются в основе речных названий³⁶. Ср. др.-прус. *lindan* 'долина' — р. *Lindė*; лит. *lankā* 'большой ровный луг (чаще всего у реки), заливаемый во время наводнения водой', 'долина' — р. *Lankā* (Vanagas 1981, 180); *lomā* 'низина, долина, ложбина' — р. *Lomā*, ср. лтш. *lāma* 'болото' (Fraenkel 1, 385). Примеры подобного

³³ С одинаковым чередованием *e/a* (лит.) = *e/o* (рус.). Иначе: Топоров 1972а, 202.

³⁴ Приведенное Ф. И. Гордеевым лит. *liejikas* означает не 'выливание', а 'ли-тейщик' = чеш. *lijec*.

³⁵ Ср., например, **Вача**, р. в басс. Цны (лит. *vėčas* 'старый', лит. *Vėč-upis*) и **Вача** (Б. и М.), р. в низов. Упы (лтш. *vėcs* 'старый', *vėsure* 'старица' (Vanagas 1981, 369).

³⁶ Разумеется, тесная связь понятий 'река' и 'долина' отнюдь не обязательно определяется лежащей в их основе 'речной' этимологией (как в случае с лтш. *leja*).

рода говорят о том, что латышские формы типа *Abras-leja* (ср. *Abr-upe*), *Bliskas-leja*, *Margas-leja* (ср. лит. *Maĩg-upis*) и др. (Дамбе 1974, 230) этимологически отражают более древнее значение 'река' (корень *lei- 'лить, течь'). Едва ли можно объяснить как случайные совпадения такие случаи, как лтш. *Margas-leja* и **Маргас-лей**, р. в верхов. Мокши, *Maras-upe* и **Марас-ляй**, о. в басс. Мокши и р. в верхов. Мокши. Важно отметить, что приведенные гидронимы в бассейне Мокши отражают особенности латышского, а не литовского слово-сложения. Ср. лтш. *Margas-leja* и лит. *Maĩg-upis*, хотя оба типа слово-сложения встречаются в латышской топонимике: *Maras-upe* и *Mār-upe*. Наличие именно латышского словообразовательного типа, ср. **Салас-лейка**, р. в басс. Мокши (к лтш. *sala* = лит. *salà* 'остров'), **Салтас-лейка**, р. там же (к лтш. *salts* 'холодный' = лит. *šáltas*) дает основания для вывода о том, что морд. *лей*, *ляй* 'река, овраг' было заимствовано из древнего балтийского диалекта, в котором слово *lejs*, *leja* в качестве второго компонента гидронима имело очень широкое распространение, причем преимущественно с этимологически более древним значением 'река'. Семантическое изменение 'река' → 'долина' сохранило свои следы в латышской антропонимии, где многократно засвидетельствованы параллельные образования на *-lejs*, *-leja* и на *-upis*, *-upe*. Так, наряду с *Ošlejs* встречается фамилия *Ošupis*, которая совпадает с литовским гидронимом *Ōš-upis*. Причем семантика (к лит. *ōšti* 'шуметь' — Vanagas 1981, 235), очевидно, более подходит к реке, чем к долине. То же самое можно сказать о лтш. антропониме *Senleja* и лит. *Sēn-upis* (= *sėnupis* 'старица') — к лит. *sėnas*, лтш. *sens* 'старый'. Едва ли лтш. *Senleja* этимологически отражает значение 'старая долина'. В то же время у лтш. *Uplejs* второй компонент явно имел значение 'долина', а не 'река'³⁷. Эти примеры отражают путь семантического развития лтш. *leja* от этимологически более древнего значения 'река' к современному значению 'долина'.

По модели лит. *Maĩg-upis* — лтш. *Margas-leja* все балтийские гидронимы Поочья стали передавать второй компонент *-upis* или *upe* посредством *-лей*, *-ляя*. Приведем примеры: лит. *garnỹs* 'аист', *Gaĩn-upis* — **Гарно-лей**, о. в басс. Мокши; лит. *Ōr-upis*, лтш. *Ār-upe* — **Ар-лей**, р. в басс. Мокши выше Цны; *kartũs* 'горький', *Kart-upis* — **Карт-ляй-ка**, р. в верхов. Мокши; *kuodỹs* 'хохлатый жаворонок', *Kuod-upis* — **Куд-лей**, две реки в басс. Мокши; *ōšti* 'шуметь', *Ōš-upis* — **Ош-ляй**, р. в басс. Мокши, **Аш-лей**, р. в басс. Цны; *rasà* 'роса', *Rās-upis* — **Арас-ляй** (с протетическим А-), р. в басс. Мокши; *saũsas* 'сухой', *Saũs-upis* — **Суз-лей**, р. в басс. Мокши; *sũnũs* 'соленый', *Sũr-upis* — **Сура-лей**, две реки в верхов. Мокши; *taũrus* 'дикий бык', *Taũr-upe* — **Тур-лей**, р. в басс. Мокши;

uĩkti = лтш. *ũrkti* 'урчать', *Ūrk-upis* — **Урк-лей**, р. в басс. Мокши выше Цны; *šĩršė* 'шершень', *Šĩrš-upis* — **Шерш-лей**, р. в басс. Теши (*ь > е*). Возможны и такие случаи, когда на балтийское происхождение гидронима проливает свет апеллятивная лексика — при отсутствии полных параллелей в гидронимии Литвы или Латвии. Например: лит. *išlejis* 'разлив, половодье' — **Иш-ляй**, р. в верхов. Мокши, **Иш-лей**, р. в басс. Теши.

Когда в мордовском языке закрепилось заимствованное слово *лей*, *ляй* в значении 'ре(ч)ка, овраг', естественно, что оно стало при образовании гидронимов присоединяться к основам балтийского происхождения не только со вторым компонентом *-upe*, *-upis*. Ср. **Сукма**, р. в басс. Угры (к лит. *sũkti* 'поворачивать, изгибать', *sũktiũ* 'изгиб'), — **Сукма-лейка**, р. в басс. Мокши. Более того, появились гидронимы, образованные не на балтийских, а, например, на тюркских основах: **Камыш-лей**, р. в басс. Мокши; или (за пределами Поочья) **Балык-лей** и **Балыклейка** (ЭСТЯ, 60). Разумеется, возможны также и случаи, когда компоненты *-лей*, *-ляй* присоединялись к основам финно-угорского происхождения. Это обстоятельство иногда приводит к расхождениям в возможностях этимологической трактовки отдельных гидронимов. Например, реки в басс. Мокши **Леп-лей**, **Леп-ляй**, **Лип-лей**, **Лип-ляй** в принципе можно было бы связать с морд. *лепе* 'ольха', но наличие лит. *Lėp-upe* (к *lėpa* 'липа') и обычные колебания в передаче лит. *ie* (то как *e*, то как *и*) говорят скорее в пользу второго варианта. Тем более что очень большое число гидронимов на *-лей*, *-ляй* именно в бассейне Мокши имеет балтийскую, а не финно-угорскую этимологию. То же — в случае: лит. **uras* (из *ũrupė* 'старица') 'старый', гидроним в Литве *Ūr-upis* — **Ур-лей-ка**, р. в басс. Мокши. Сопоставление этого гидронима с мокш. *ур* 'белка' — не более чем случайное совпадение типа **Альба**, р. в басс. Оки выше Клязьмы, — лат. *alba* 'белая' или **Урсус**, р. в басс. Рановы, — лат. *ursus* 'медведь'. Таких случайных совпадений в гидронимии Поочья очень много, причем в словах с гораздо более сложной структурой, чем *ур*. Гидроним **Карга-лей**, р. в басс. Мокши, формально можно связать и с лит. *kárgis* 'рыба семейства лососевых', и с мокш. *карга* 'журавль'. И все же тот факт, что во всех этих и других случаях находятся литовские или (реже) латышские гидронимы на *-upe*, *-upis*, *-upe* и *-leja* с той же самой основой, что и у гидронимов Поочья, делает неправдоподобным предположение о массе случайных совпадений между речными названиями Прибалтики и бассейна Оки. В то же время наличие отдельных изолированных мордовских или каких-либо других слов, совпадающих частично или полностью с теми или иными гидронимическими основами Поочья, вполне обычное явление. Так, основа гидронима **Карга-лей** может быть сопоставлена не только с лит. *kárgis* или мокш. *карга*, но и с тюрк. *karya* 'ворона' или с русским

³⁷ Все примеры взяты из книги: Сталмане 1981.

тюркизмом *карга* 'ворона'. В диалектах русского языка слово *карга* означает также: 'коряга', 'отлогий берег, покрытый песком и галькой', 'мелкое место в воде' и др. (СРНГ 13, 82–83). Морд. *лей*, *ляй* — балтийское заимствование и как самостоятельная лексема, и в составе многочисленных гидронимов — не является единственным и каким-то исключительным примером. К сожалению, вопрос о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках изучен очень слабо³⁸. Более того, была высказана скептическая точка зрения, согласно которой надежные примеры с балтийскими заимствованиями в финно-угорских языках Поволжья вообще крайне немногочисленны (Кнабе 1962, 76). Думается, однако, что такие примеры, как мокш. *карда* 'хлев' (лит. *gaĩdas*), мокш., эрз. *пеель* 'нож' (лит. *peĩlis*), мар. *пöрт* 'изба' (лит. *pirtis* 'баня'), мар. *нембе* 'зяблик' (лит. *pẽmpẽ* 'чибис')³⁹, мокш. *сура* 'просо' (лит. *sõra*), хотя и не очень многочисленны, но в достаточной мере надежны. Даже без попыток специального исследования данного вопроса можно было бы указать на такие примеры (кажется, не отмеченные в литературе), как мокш. и эрз. *чавка* 'галка', ср. лит. *čĩaukẽ = kiũukẽ* 'галка', к лит. *kiũukti* и *kiaukšẽti* 'кричать' (например, о грачах, галках, воронах), 'лаять' (о собаках), см. LKŽ 2, 90 и 5, 685–686. Не исключено, что рус. диал. *чавки* 'мордовское ожерелье из раковин, змеиных головок' (Даль 4, 580) было заимствовано из мордовского языка, где это слово, видимо, восходит к лит. *kiũukẽ* 'гроздь' (LKŽ 5, 685)⁴⁰. Почти определенно можно утверждать, что эрз. *лаужа* 'скалка, мешалка' также является балтизмом. Ср. лит. *lũužas* 'отломанная ветка', 'лом, пешня' и 'часть льномялки' — к *lũužti* 'ломать' (Fraenkel 1, 347). Ср. также мар. *жẽра* и *йжарá* 'заря' — лит. *žarà* 'заря' (к *žẽrẽti* 'сверкать, блестеть').

³⁸ Кроме двух (ставших уже классическими) работ В. Томсена и Я. Калима (Thomsen 1890; Kalima 1936), можно отметить лишь несколько статей на эту тему. Например: Аристэ 1973; Гордеев 1967 (также в книге: Гордеев 1983). Но монографии В. Томсена и Я. Калима посвящены в основном заимствованиям в финском языке, а примеры из восточных финно-угорских языков у них единичны. Так, П. Аристэ в своей короткой заметке перечисляет 13 примеров из книги В. Томсена.

³⁹ Две болотные птички: *Vanellus vanellus* и *Vanellus cristatus*.

⁴⁰ Последний пример хорошо согласуется с данными археологии о широком распространении в культурных слоях восточных финно-угорских территорий украшений явно балтийского происхождения. См.: Моора 1958, 27–28; Третьяков 1966, 271; Третьяков 1982, 105; Седов 1982, 45 и др. В частности, М. Гимбутас публикует карту с указанием ареала распространения балтийских бронзовых украшений с выемчатой эмалью. Этот ареал захватывает весь бассейн Оки вплоть до ее впадения в Волгу (Gimbutienė 1985, 95). В то же время на картах распространения балтийской гидронимии она провела восточную границу примерно по меридиану устья Москвы (по В. В. Седову), см.: Gimbutienė 1985, 18, 111.

В лексике, связанной с гидронимией, быть может, следует отнести к числу балтизмов эрз. *латко* 'овраг' и *лашмо* 'долина', а также мокш. *латка* 'овраг, ложбина'. Кажется, как и *лей*, *ляй*, эти слова не имеют финно-угорской этимологии, у них нет надежных соответствий в родственных языках. В то же время лит. *latãkas* в значении 'поток, струя' ('srautas, čiurkšlẽ' — LKŽ 7, 172)⁴¹, *lašmiũ* 'место, где река впадает в озеро' (Skardžius 1943, 295) гораздо более подходят по своему значению к водным объектам, чем слова, означающие 'долина' или 'овраг'. В нижнем (и отчасти в среднем) правобережье Оки, главным образом в бассейне Мокши, по материалам Г. П. Смолицкой, засвидетельствованы 15 гидронимов со вторым компонентом *-латка* и *-лотка*. Из них 11 — реки, а не овраги и не долины. Иначе говоря (как и в случае с лтш. *leja*, морд. *лей*, *ляй*), эрз. *латко* и мокш. *лотка* 'овраг, ложбина, долина' в составе гидронимов сохранили более древнее значение 'ре(ч)ка' — значение, которое подтверждается балтийской этимологией гидронимов бассейна Оки со вторым компонентом *-латка*, *-лотка*.

Балтийское происхождение этих гидронимов подтверждается также и анализом их первых компонентов. Так, **Аймо-латка**, р. в верхов. Мокши, этимологизируется как 'красивая ре(ч)ка' — к лит. *aimũs* 'красивый', **Умо-латка**, р. в басс. Цны, — как 'быстрая ре(ч)ка', ср. лит. *ũmũs* 'быстрый'. **Куше-латка**, р. в басс. Мокши, имеет ту же самую гидронимическую основу, что и лит. *Kũuš-upis*, **Уш-латка**, р. в верхов. Мокши, — лтш. *Uoš-upe* (к лит. *ũuštĩ* 'остывать, охлаждаться' — Vanagas 1981, 354). В тех же немногих случаях, когда образования на *-латка* обозначают овраг, а не реку, это четко прослеживается в семантике гидронима. Так, **Крупно-латка**, о. в верхов. Мокши, — к лит. *krũpẽ* 'жаба', **Карна-латка**, о. в басс. Мокши, — к лит. *karnà* 'лыко'. Как к реке, так и к оврагу семантически подходит **Керка-латка**, о. в басс. Мокши, — к лит. *kirka* 'чайка', ср. *kerktĩ = kiĩkti* 'кричать'. Наконец, р. *Latakà* в самой Литве подтверждает тот факт, что этимологически морд. *латко*, *лотка* (включая это слово и как компонент гидронима) восходит к значению 'поток, река', а не 'овраг, ложбина, долина'.

Гидронимов со вторым компонентом *-лашма* в бассейне Оки, согласно Г. П. Смолицкой, всего два. Но зато в бассейне Мокши находится река и заводь **Лашма**, ср. р. *Lašmiũ* в Литве — отнюдь не со значением эрз. *лашмо* 'долина', а лит. *lašmiũ* 'место, где река впадает в озеро'. **Ур-лашма**, р. в верхов. Мокши, в первом своем компоненте совпадает с лит. *Ūr-upis* (= *ũrũpis* 'старица'), а **Култо-лашма**, о. там же, —

⁴¹ Э. Френкель считает, что это слово заимствовано из белорусского языка (Fraenkel 1, 242). Аргументы в пользу исконного происхождения этого слова см.: Откупщиков 2001, 197–200.

с лит. *Kūlt-upis* (этимологию см.: Vanagas 1981, 171). И опять значение 'долина' у эрз. *лашмо* явилось явно вторичным, развившимся из более древнего значения 'река', которое надежно засвидетельствовано в гидронимии как Литвы, так и Поочья.

Несколько гидронимов на *-марка* не имеют никаких надежных этимологических связей с мордовской лексикой. Они отражают лит. *markà* 'место (пруд) для вымачивания льна' (к *meĩkti* 'мочить'). Основа этого слова хорошо известна в литовской гидронимии, см. статьи *Markijà (ùpė)* и *Meĩkė* в этимологическом словаре А. Ванагаса. В бассейне Оки интересным представляется гидроним **Вино-марка**, р. в низов. Клязьмы. Этот гидроним не имеет ничего общего с 'вином', а связан этимологически с лит. *vienà + markà*. Первый компонент указанного гидронима в басс. Клязьмы содержится в названии озера в Литве — *Viena-valkšnis* (Vanagas 1981, 378). В качестве второй части гидронима основа *-mark-* засвидетельствована в названии озера *Lie-markas* (LUEV, 91). **Пиш-марка**, р. в верхов. Мокши, и **Куш-марка**, р. в низов. Мокши, сопоставимы в первой своей части с лит. р. *Pišià* и *Kuš-upis* (Vanagas 1981, 260 и 175; там же — этимологии). Последний гидроним Поочья, быть может, следует связать с лит. *Káuš-upis* (см. выше: **Куше-латка**).

Таким образом, почти исключительно мордовские гидронимы (преимущественно в бассейне Мокши), оканчивающиеся на *-лей*, *-ляй*, *-латка*, *-лашма*, *-марка*, в основной своей массе совпадают с литовскими гидронимами на *-upė*, *-upis*. Причем там и здесь в качестве первых компонентов сложного слова выступают практически одни и те же основы. Именно балтийский материал проливает свет на этимологию гидронимической лексики правобережного Поочья (в среднем и нижнем течении Оки) и на семантическую эволюцию этой лексики. Широкие слои заимствований в гидронимии Мордовии — это лишь один аспект балтийского влияния, в данном случае — в области гидронимии. В работах Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова приводится убедительный материал о балтийском влиянии на мордовский свадебный обряд и на мордовскую мифологию⁴². В литературе нередко назывались имена мордовских князей, засвидетельствованные в русских летописях: *Пургас* (начало XIII в.) и *Пуреш*, но, кажется, никто не пытался их этимологизировать (см.: Попов 1948, 204–205). Как известно, очень часто династические имена являются заимствованными. Учитывая значительное балтийское влияние на мордовский язык, имеет смысл обратиться именно к балтийской антропонимике при объяснении происхождения имен *Пургас* и *Пуреш*. Среди литовских антропонимов обращает на себя внимание фамилия *Pūrgelis* — с обыч-

ным ярко выраженным уменьшительным суффиксом *-el-* (LPŽ 2, 538). В латышской антропонимике здесь выступает суффикс *-al-* (об этом суффиксе см.: Endzelin 1922, 253–254): *Pūrgalis* (Сталтмане 1981, 148). Причем в обратном словаре В. Э. Сталтмане насчитывается более 100 имен на *-alis*. Лит. *Pūrgelis* — такое же производное от **Purgas* (= морд. *Пургас*), как любое другое производное на *-elis*, образованное от существительного на *-as* (ср. *bernēlis* ← *beĩnas* и мн. др. в лексике апеллятивной). Что касается имени *Пуреш*, то в книге В. Э. Сталтмане приведена простая форма (без суффикса *-eš-*) *Purs*. От этой формы — по известной словообразовательной модели — можно реконструировать производное **Purešs* (= морд. *Пуреш*) точно так же, как, например, от *Linds* образуется *Lindešs* (Там же, 206, 133, 207)⁴³. Как известно, одни языки легко проницаемы для заимствований, другие — нет. Хрестоматийный пример: очень большое число заимствованной лексики в английском языке при ограниченном их количестве в языке исландском. Мордовский язык, испытывавший в древности сильное влияние со стороны балтийских языков (или языка), позднее подвергся не менее сильному воздействию языка русского. Лексика и мокшанская, и эрзянская полна русских слов. В мордовских народных сказках постоянно встречаются не только русские слова и имена собственные, но также целые фразы и сказочные формулы⁴⁴. Именно подобного рода восприимчивость мордовского языка к иноязычным влияниям может служить одной из существенных причин широкого распространения балтийской гидронимии на территории Мордовии.

Какие выводы можно сделать из рассмотренного материала? Во-первых, восточная граница балтийской гидронимии отодвигается далеко на восток: вплоть до устья Оки и верховьев Мокши. Последние отстоят от Москвы почти на такое же расстояние, как от Москвы до современных границ Литвы и Латвии. Обращает на себя внимание, что именно в ареале реки Мокши с ее многочисленными притоками мы находим наиболее плотную сеть гидронимов балтийского типа. И здесь же балтийское влияние отнюдь не ограничивается только рамками гидронимии⁴⁵. Во-вторых, конкретный анализ речных и иных названий балтийского происхождения в бассейне Оки показывает, что это — гидронимия не «западнобалтийского типа» (см., в частности: Седов 1971,

⁴³ Ср. также в литовском языке: *Linda* и *Lindešis*.

⁴⁴ Подробнее об этом (с примерами из мордовских сказок) см.: Откупщиков 2001, 416.

⁴⁵ Выше лишь вкратце говорилось о балтийском влиянии в области апеллятивной лексики и антропонимии и совсем вскользь — в археологии, этнографии и мифологии (в основном — со ссылками на работы других авторов).

⁴² Об этих и других работах названных авторов см.: Васильков 1998.

131), а восточнобалтийского, наиболее близкая к литовскому языку, но и с элементами, близкими к языку латышскому. Конечно, мы ничего не знаем о языке (или языках) тех племен, которые оставили мощный слой балтийской гидронимии на всей обширной территории Поочья. Можно только отметить архаический характер этой гидронимии. И именно известная архаичность литовского языка может объяснить тот очевидный факт, что литовская гидронимия и литовский язык дают основной материал при этимологическом анализе балтийской гидронимии бассейна Оки. Уже сейчас можно обнаружить отдельные следы неоднородности балтийского субстрата в Поочье. Так, «латышский» вариант гидронима **Ваца** встречается только в верхнем течении Оки, а «литовский» его вариант **Вача** — только в нижнем (см.: Смолицкая 1976, 36, 87, 249 и др.). В бассейне Мокши находится своего рода «контаминированный» вариант: р. **Вачь Парца**. Первая часть гидронима означает 'старый' (лит. *vėdas* 'старый', но лтш. *vēcs*). Вторая его часть содержит основу *parc-*, сохранившуюся в таких латышских производных этой основы, как *pārceļt* 'переправляться (через реку)', *pārceļama vieta* 'переправа' (МЕ 3, 151). Почти исключительно в бассейне Мокши встречаются композиты с компонентами *-лей*, *-ляй*, *-латка*, *-лашма*, *-марка*. Детальный ареальный анализ фонетических, словообразовательных, лексических и иных особенностей балтийской гидронимии Поочья может пролить дополнительный свет на целый ряд вопросов, связанных с древнейшей историей народов, живших на обширных территориях бассейна Оки. В рамках одной статьи было невозможно охватить многие вопросы, связанные с изучением балтийской гидронимии Поочья. Большой интерес представляет, например, семантический анализ этой гидронимии. Хотя уже приведенные выборочные примеры дают представление о целых сериях семантических групп. Вопросы фонетической субституции в процессе заимствования также отмечались лишь спорадически. А здесь нередко встречаются разные варианты⁴⁶.

Перспективным представляется детальное сопоставление гидронимии Поочья с русскими передачами литовских гидронимов у И. Я. Спрогиса. Тем более что в книге Г. П. Смолицкой в значительной мере были использованы писцовые и межевые книги XVI–XVII вв. Словарь И. Я. Спрогиса основан на материалах XVI века. То есть во многих случаях речь идет о синхронной передаче балтийских гидронимов в весьма отдаленных ареалах. К примеру, лит. *šaukštas* 'ложка' и

⁴⁶ В свое время В. Н. Топоров отмечал, например, двоякую трактовку сочетаний типа *-tart-*, дифтонгов, гуттуральных перед гласными переднего ряда (Топоров 1972а, 216). Кстати, последние два явления можно наблюдать и в литовском языке. Ср. из приведенного выше материала лит. *aiškus* = *yškus*, *čidukė* = *kiidukė* и др.

болото *Šaukštas* дают в качестве производного с суффиксом *-el-* литовский топоним — с. **Шавкштели** (Спрогис 1888). Дер. **Шукштели** и оз. **Шукстели** находятся в бассейне все той же Мокши (выше р. Вад).

Важным представляется также по возможности исчерпывающее сопоставление балтийской гидронимии Верхнего Поднепровья, обследованной в известной работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, с гидронимией Поочья. Здесь выявлены пока далеко не все случаи. Х. А. Моора уже давно высказал парадоксальную на первый взгляд гипотезу о проникновении балтийских племен в Финляндию. Этим можно было бы объяснить, «почему в финском языке встречаются такие слова балтийского происхождения, которых нет в эстонском языке» (Моора 1956, 75). К этому следует добавить, что в обширных списках балтизмов в финском языке В. Томсен и Я. Калима приводят в основном слова литовского, а не латышского типа⁴⁷. Следовательно, между Литвой и Финляндией лежала не только Эстония, но и Латвия. Однако приведут ли поиски балтийской топонимики в Финляндии, к чему призывал Х. А. Моора (1956, 74), к положительному или отрицательному результату — на этот вопрос могут дать ответ только дальнейшие исследования.

Еще один интересный аспект исследования наметил В. Н. Топоров: «Особый вопрос — происхождение целого ряда известных фамилий на основе балтийской лексики» (Топоров 1972а, 222). К примеру, только у приведенных выше гидронимов, восходящих к литовским образованиям на *-upas* и имеющих достаточно надежную этимологию, находятся полностью совпадающие с ними русские фамилии: *Ерин*, *Кунин*, *Куприн*, *Лапин*, *Лужин*, *Лунин*, *Маркин*, *Молин*, *Мурин*, *Сатин*, *Щедрин* и др. Едва ли подобного рода фамилии могли быть заимствованы прямо из какого-либо балтийского языка. А вот русская гидронимия балтийского происхождения вполне могла послужить источником некоторых из перечисленных выше фамилий⁴⁸. Тем более что фамилии, восходящие к гидронимам, — обычное явление в антропонимии, в частности среди русских фамилий на *-ин*, ср., например: *Волгин*, *Онегин*, *Печорин* (кстати, все основы, видимо, — иноязычного происхождения: Никонов 1965, 89, 309, 330). Ср. также латышские антропонимы на *-upe*, *-upis*, немецкие на *-bach* и др.

⁴⁷ Едва ли это можно объяснить одним лишь архаическим характером литовского языка.

⁴⁸ В каждом отдельном случае требуется специальное исследование. Не следует обольщаться созвучием с такими русскими словами, как *лапа*, *лужа*, *луна*, *щедрый* и др. С таким же успехом можно из русского языка «объяснить» гидронимы *Танковой*, *Пекинской*, *Кубинской*, *Поварня*, *Линейка* и мн. др.

Автор настоящей статьи отнюдь не считает, что все приведенные им сопоставления и интерпретации — безошибочны. В отдельных случаях, быть может, будут предложены более удачные объяснения. Но в целом вывод о широком распространении балтийской гидронимии на всем пространстве бассейна Оки, включая правые притоки в ее низовьях, представляется достаточно надежным. Наконец, при обилии материала и работ по гидронимии анализируемого ареала, быть может, оказались пропущенными какие-то ссылки на работы других авторов по тому или иному частному объяснению. В этом случае автор статьи приносит им свои извинения, не претендуя на приоритет в том или ином объяснении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аристэ 1973 — *Аристэ П.* Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1973, вып. 3.
- Васильков 1998 — *Васильков Я. В.* Индоевропейская поэтическая формула в мордовском обрядовом тексте // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.
- Гордеев 1967 — *Гордеев Ф. И.* Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Гордеев 1985 — *Гордеев Ф. И.* Историческое развитие лексики марийского народа. Йошкар-Ола, 1985.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1–4.
- Дамбе 1974 — *Дамбе В. Ф.* Балтийские, славянские и иллирийские параллели // Actes du XI-e congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 1974, t. 1.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Київ, 1989, т. 3.
- Кнабе 1962 — *Кнабе Г. С.* Словарные заимствования и этногенез. К вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финно-угорских языках // Вопросы языкознания, 1962, № 1.
- Лаучюте 1982 — *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Мартынов 1973 — *Мартынов В. В.* Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973.
- Мейе 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Моора 1956 — *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Моора 1958 — *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен // Советская археология, 1958, № 2.
- Невская 1977 — *Невская Л. Г.* Балтийская географическая терминология. М., 1977.
- Никонов 1963 — *Никонов В. А.* Поиски системы // Этимология. М., 1963.
- Никонов 1965 — *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов 1966 — *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Откупщиков 1988 — *Откупщиков Ю. В.* Догреческий субстрат. Л., 1988.

- Откупщиков 1989 — *Откупщиков Ю. В.* Рус. диал. лезгус 'лентяй' // Baltistica, 1989, 25 (1).
- Откупщиков 2001 — *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora (античная литература, языкознание). СПб., 2001.
- Откупщиков 2001a — *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001.
- Погодин 1901 — *Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
- Попов 1948 — *Попов А. И.* К вопросу о мордовской топонимике // Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде. Саранск, 1948, т. 2.
- Попов 1965 — *Попов А. И.* Географические названия (введение в топонимику). М., Л., 1965.
- Поспелов 1965 — *Поспелов Е. М.* О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике // Вопросы языкознания, 1965, № 2.
- Поспелов 1970 — *Поспелов Е. М.* Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. М., 1970.
- Радлов 1911 — *Радлов В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. 4.
- СГУ — Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- Седов 1965 — *Седов В. В.* Из гидронимии Волго-Окского междуречья // Питання ономастики. Київ, 1965.
- Седов 1971 — *Седов В. В.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Серебренников 1955 — *Серебренников Б. А.* Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания, 1955, № 6.
- Серебренников 1957 — *Серебренников Б. А.* О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды АН Литовской ССР, серия А, 1957, вып. 1.
- Смолицкая 1976 — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Спрогис 1888 — *Спрогис И. Я.* Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.), 1965–2002. — т. 1–36.
- Сталтмане 1981 — *Сталтмане В. Э.* Латвийская антропонимия. Фамилии. М., 1981.
- Топоров 1959 — *Топоров В. Н.* О балтийских следах в топонимике русских территорий // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1959, t. 2.
- Топоров 1972 — *Топоров В. Н.* «Балтика» Подмоскowie // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Топоров 1972a — *Топоров В. Н.* О балтийском элементе в Подмоскowie // Baltistica, 1972, pr. 1.
- Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* О балтийских следах в гидронимии Поочья // Балто-славянские языковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов. М., 1983.
- Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

- Топоров 1995 — Топоров В. Н. О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // *Res Balticae*, 1995.
- Топоров, Трубаев 1962 — Топоров В. Н., Трубаев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Третьяков 1966 — Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.
- Третьяков 1982 — Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- ЭСМЯ — Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979, т. 1; 1983, т. 2.
- ЭСТЯ — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Б. м., 1978.
- Būga — Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958–1961, t. 1–3.
- Endzelin 1922 — Endzelin J. Lettische Grammatik. Riga, 1922, sēj. 3, d. 2.
- Endzelin 1934 — Endzelin J. Die lettlandischen Gewässernamen // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1934, Bd. 11.
- Endzelins 1980 — Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1980, sēj. 3, d. 2.
- Fraenkel — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962–1965, Bd. 1–2.
- Gimbutienė 1985 — Gimbutienė M. Baltai priešistoriniais laikais. Vilnius, 1985.
- Kabelka 1982 — Kabelka J. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.
- Kalima 1936 — Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaisat lainasanat. Helsinki, 1936.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1968–2002, t. 1–20.
- LPŽ — Lietuvių pavardžių žodynas. Vilnius, 1985–1989, t. 1–2.
- LUEV — Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- ME — *Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin.* Riga, 1923–1932, Bd. 1–4.
- Otrębski 1959 — Otrębski J. Tiernamen als Gewässernamen in Litauen // *Beiträge zur Namenforschung*, 1959, Bd. 1.
- Schröder 1937 — Schröder E. Zum Thema: Tiernamen als Flußnamen // *Zeitschrift für Ortsnamenforschung*, 1937, Bd. 13.
- Senn 1959 — Senn A. Lithuanian Animal Names as River Names // *Names*, 1959, vol. 7, № 4.
- Senn 1959a — Senn A. Zur Bildung litauischer Gewässernamen // *Annali dell'Istituto universitario orientale. Sezione Slava.* Napoli, 1959, vol. 2.
- Skardžius 1943 — Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Tarvydas 1958 — Tarvydas S. Lietuvos vietovardžiai. Vilnius, 1958.
- Thomsen 1890 — Thomsen V. Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske sprog. København, 1890.
- Vanagas 1964 — Vanagas A. Aukštutinės Padnieprės hidronimija ir baltų praeitis // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1964, VII.
- Vanagas 1970 — Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
- Vanagas 1981 — Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vasmer 1932 — Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Berlin, 1932, Teil 4.
- Vasmer 1941 — Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941.
- Zinkevičius 1981 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. II. Vilnius, 1981.

Д. РАЗАУСКАС

ПРУССК. NOSEILIS 'ДУХ'

В СТРУКТУРЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ПОНЯТИЯ ДУШИ
(МАЛЕНЬКАЯ ЗАМЕТКА НА БОЛЬШУЮ ТЕМУ)

Прусское слово *noseilis* 'Geist, дух' в трех падежах (sg. nom., gen., acc.) много раз встречается в «Третьем прусском катехизисе» (Энхиридионе) 1561 г., и только в нем¹. В «Этимологическом словаре прусского языка» В. Мажюлиса это слово, в реконструкции **nōseilis*, расчленяется на приставку **nō-* 'на, над, сверх' и корень **seili* 'усердие, чувство, чувственность', отраженного в прусск. (acc. sg. f.) *seilin* 'уседие', (acc. pl. f.) *seilins* 'чувства' и далее через прусск. **seilē* 'жизненная и психическая сила' восходящего к б.-сл. **seilā* 'сила (жизненная и психическая)'. Таким образом, 'дух' определяется как 'то, что находится над жизненной силой'. Следовательно, по словам Мажюлиса, «существительное прусск. **nōseilis* 'то, что находится над жизненной силой, сверх жизненной силы' > 'дух (Geist)' следует считать новообразованием, появившимся не ранее XIII в. — в то время, когда священники крестоносцев объясняли через переводчиков пруссам (язычникам), что (нем.) *Geist* есть то, что управляет жизненными силами („находится над, сверх жизненных сил“), является сверхъестественным» (Mažiulis 3, 197–199; см. 4, 92–93).

Представляется возможным показать, что для определения духа как «находящегося над жизненными силами» нет необходимости обращаться к «священникам крестоносцев» и христианству вообще и что такое определение духа следует непосредственно из балто-славянских языческих представлений о душе, следовательно, прусское слово *noseilis* на этом основании, несмотря на относительно позднее появление его в источниках, хронологическому ограничению XIII веком не подлежит.

Для этого предстоит выявить в балто-славянском понятии души определенную вертикальную структуру, делающую естественным по отношению к соответствующим ее уровням употребление таких предлогов, как «над» и «сверх».

Уже К.-Г. Юнг, рассматривая традиционные представления о психике, заметил: «Мы, естественно, предполагаем, что наши мысли находятся в голове, но в отношении чувств мы свою уверенность теряем: нам кажется, что они обитают скорее в области сердца. <...> Соглас-

¹ Ссылки см. в: Mažiulis 3, 197–198; полное издание источника — в: Mažiulis 1981, 91–240.